

КАРФАГЕН ДОЛЖЕН БЫТЬ РАЗРУШЕН

АЛЕКСАНДР
НЕМИРОВСКИЙ

ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Исторические приключения (Вече)

Александр Немировский

Карфаген должен быть разрушен

«ВЕЧЕ»

2006

Немировский А. И.

Карфаген должен быть разрушен / А. И. Немировский —
«ВЕЧЕ», 2006 — (Исторические приключения (Вече))

История Средиземноморья («круга земель») между 218 и 129 гг. до н. э., если взглянуть на нее с почтительного расстояния, видится трехактной трагедией на тему «рождение империи». Участниками этой трагедии были хорошо известные полководцы, политические деятели, цари. Но истинным ее героем все же стоит определить того, кто сохранил сведения об этом времени и осмыслил его как величайшую историческую драму – греческий историк Полибий (200–129 гг. до н. э.). Роман известного писателя, ученого, историка Александра Иосифовича Немировского «Карфаген должен быть разрушен» («Полибий») посвящен главному акту исторической трагедии – падению Древнего Карфагена, на обломках которого поднялась и расцвела новая империя – Великий Рим.

Содержание

Часть первая	6
Торжествующий Рим	6
Деметрий и Диодор	9
На Капитолии	11
Торжище	13
Изгнанники	15
Филоник и Андриск	18
Утро Полибия	19
Бешеная собака	21
Работа	23
В Антиохии	24
Посланец Деметрия	26
Навстречу Фортуне	28
У цирюльника	30
Гнев Артемиды	33
Бессмертие масок	34
Первый читатель	36
Школа на колесах	38
В Великом цирке	41
Грекостасис	44
Главный помост	46
Встреча на Тибре	48
В курии	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Александр Немировский

Карфаген должен быть разрушен

© ООО «Издательство «Вече», 2015

© Немировский А.И., 2006

© ООО «Издательский дом «Вече», 2006

* * *

Часть первая В пещере циклопа

Торжествующий Рим

Тот, кто был в Риме вчера, не узнал бы его сегодня. Будничная толпа преобразилась в восторженных и праздных зевак. Сверкающая лента тог и хитонов протянулась по всем улицам от Марсова поля до сердца города – Форума. Приоделись и дома. Гирлянды из хвои прикрыли осыпавшуюся штукатурку и потеки. Выбоины и рытвины на проезжей части засыпаны желтым тибрским песком. Из дверей храмов синими дымками струятся благовония. Благоухание персидского нарда и аравийского кинамона слилось с запахами пестумских роз и лаврентийских фиалок. Чад дешевых харчевен и вонь сточных канав, казалось бы, навсегда изгнаны ароматами, приятными людям и богам.

В первый день триумфа с восхода до полудня на глубоких деревянных носилках важно проплывали раскрашенные терракотовые фигуры в позах пирующих. Ветер тормозил и вздымал на их головах пучки конского волоса, или мочала, из которых иногда высывались бычьи рожки. Рогатые изображали реки Македонии и Эпира, безрогие – горы этих побежденных стран. Нет, это не красочная декорация, наподобие той, что украшает задник сцены, не обозначение театра военных действий. Горы и реки, представленные наскоро слепленными и обожженными фигурами, были призваны свидетельствовать о римской доблести.

Римляне, стоявшие по обеим сторонам Священной дороги, – улицы, ведущей на Капитолий, вслух читали надписи на табличках, прикрепленных к фигурам:

– Аксий! Нестос! Граммос! Линкос! Стримон! Родоп! Ахелой! Керван! Олимп!

Последнее название вызвало бурю ликования и выкрики:

– Ио, триумф! Ио, триумф!

Да ведь это Олимп! Обиталище бессмертных богов! Сами боги с высоты Олимпа наблюдали за битвой, навсегда повергшей Македонию и ее царей.

После полудня улицы вновь заполнились праздничной толпой. Над нею, на высоких шестах, – размалеванные и подписанные внизу деревянные щиты. Приглядевшись, можно понять, что они изображают крепостные стены с висящими над ними значками римских легионов и манипулов¹. Сто двадцать пять щитов! Сто двадцать пять поверженных городов... В бесконечном, чуждом римскому уху перечне их названий есть имена, более древние и знаменитые, чем сам Рим. Один из городов был прославлен Гомером, в другом родился бессмертный певец Орфей, в третьем – великий Александр.

А куда делись люди, их населявшие? Они изображены на деревянных досках – головы смиренно опущены, оковы на руках и ногах. Хаоны, атинтаны, феспроты, кассопеи, молоссы, паравей, тимфайи, оресты, афаманы... и десятки других племен, превращенных в одно безымянное племя рабов.

Сколько пленных? На этот вопрос ответил огромный деревянный щит (его с трудом несли четверо носильщиков) с цифрой «157 232». Римляне любили точность. Ровно столько вчерашних македонян и эфирцев – мужчин, женщин, детей, сохранив человеческий облик, перестали быть людьми.

---

¹ Легион – крупное воинское подразделение римской армии (около 4,5 тыс. воинов, с конца II в до н. э. – 6 тыс.), делившаяся, ко времени действия романа, на 30 отрядов, или манипулов.

Первую половину следующего дня занял показ вражеского оружия. Сариссами – этими длинными, тяжелыми копьями двести лет назад вооружил македонских гоплитов царь Филипп. Сариссы сломили Элладу, бросили к ногам Александра «царя царей» Дария, обратили в бегство слонов индийского царя Пора. Ни один народ, кроме римлян, ни одно войско, кроме римского, не могло выдержать натиска македонской фаланги, ошетилившейся сариссами.

Знатоки безошибочно определяли в гряде оружия луки пехотинцев, луки всадников, скифские, родосские, критские, фракийские луки. В толпе завязался спор о дальноточности луков и пробивной силе стрел. Поэтому повозки с пращами и свинцовыми ядрами для баллист прошли незамеченными. Но вот уже режет глаза блеск начищенных мелом мечей. Мечи короткие и прямые лакедемонские, изогнутые фракийские, длинные сарматские, подобранные на поле боя, все они будут переплавлены в гладиусы², ибо лучший меч – это меч победителя.

В тот же день, после обеда, по улицам пронесли захваченные у врага драгоценности. Носильщики сгибались под тяжестью бочек, наполненных до краев золотой и серебряной монетой. А когда глаза утомились от блеска монет, показались лектики³ с драгоценными кувшинами, чашками, браслетами, ожерельями, зеркалами. Вот из чего ели и пили цари и их гетайры⁴, воины и богатые горожане, вот чем украшались их жены, наложницы и дочери. Пусть теперь попьют из глины и дерева. Для рабыни достаточно ожерелья из желудей!

В третье утро триумфа Рим был пробужден хриплыми и дребезжащими голосами труб. Трубачи, собранные со всех легионов, дули что было мочи. Затем юноши в передниках с пурпурной каймой провели жертвенных быков. Широкогрудые, с лоснящейся белой шкурой, они являли собой божественное зрелище. Вдумай Юпитер вновь обратиться в быка, он избрал бы для своего земного облика одного из этих не знавших ярма красавцев.

Не успела улечься пыль, как показалась царская повозка, украшенная чеканным серебром. Ее влекла пара вороных в золотой сбруе. Коней вел человек, которого по одежде можно было принять за царя, если бы таблички – одна на спине, другая на груди – не объясняли: «Царский конюх Эвтих».

Сразу за конюхом другой македонянин в не менее богатом одеянии нес подушечку со сверкающей золотом и драгоценностями короной. Римляне не раз били чужеземных царей и заставляли их раскошеляться, но короны обычно оставляли им. Эта будет принадлежать победителю. Отныне нет Македонии и македонских царей!

– Ио, триумф! – ревела толпа.

Затем прошли те, кому, будь на то воля богов, принадлежала бы эта корона – мальчики двенадцати и семи лет, упитанные, красивые, веселые. И рядом с ними воспитатель в черном, то и дело останавливавший детей, что-то им объясняя. Дети, однако, продолжали улыбаться, видно, все происходящее было для них игрой.

Но вот появился пленный царь. Персей был в темном гиматии и грубых охотничьих сапогах. Он шел как-то боком, испуганно озираясь. Может быть, и он не понимал, как он здесь оказался и что его ждет?

– Ио, триумф! Ио, триумф!

Наконец, окруженная толпой сенаторов, показалась колесница победителя. Ее передний борт приходился сидящему в кресле триумфатору по пояс, а стоящему рядом мальчику – по самое горло. Слой сурика на лице неузнаваемо изменил внешность Эмилия Павла. Сейчас он ничем не отличался от всех триумфаторов до него – все они, вознесенные славой, были точной копией глиняной статуи Юпитера в Капитолийском храме.

---

² Гладиус – меч римлян, рубящее и колющее оружие.

³ Лектики – носилки у римлян.

⁴ Гетайры – сподвижники македонских царей и их почетная свита.

Но не накажет ли Юпитер того, кто святотатственно принял его облик? Не обрушит ли на него свои громовые стрелы? Для отвращения беды жрецы посадили на запятки триумфальной колесницы раба с плетью. Зрители не слышали его шепота, но триумфатор явственно различает: «Ты человек! Ты – человек!»

Рядом с триумфатором, на пристяжных конях, двое его сыновей от первого брака – Публий и Квинт. Они заслужили эту честь, сражаясь под командованием отца при Пидне. А сзади вразвалку, манипул за манипулом, шли легионеры. Мостовая гудела от тяжелого топота калиг, все наполнилось звоном оружия и приветственными криками.

Но вот центурион первой манипулы подал знак, и грянула припевка:

Павел, наш консул с носом в целый локоть
Бочками золота Рим наградил,
Нас, воевавших, с носом оставил –
Десять денариев⁵ за все наши труды.

– Отец, как они смеют?! – крикнул Публий, обернувшись.

– Молчи! – прошептал триумфатор. – Так отводят гнев Юпитера. Мне напоминают, что я смертный.

Колесница с грохотом выкатилась на Форум, встреченная бурей приветствий:

– Ио, триумф! Ио, триумф!

Взгляд триумфатора упал на ростры⁶, издали казавшиеся цветочной клумбой. Но пережитая обида вызвала в памяти другую картину, и ростры предстали такими, как три дня назад, – в окружении беснующейся черни. Подстрекаемая ораторами, она не давала разрешения на триумф. А кто эти ораторы? Его же воины, разъяренные тем, что он обогатил их меньше, чем им хотелось.

Медленно и торжественно поднималась колесница по capitoлийскому въезду. Все шире и шире становился кругозор. Форум и все семь холмов. Извивы Тибра. Чаша Великого Цирка. Там уже все готово для гладиаторских боев, которые начнутся после окончания главной церемонии. Пристань, где его торжественно встречал народ. Но громады македонского корабля уже не видно. Его отвели в Остию. И вот после еще одного поворота дороги в синеве неба проступили приземистые строения Капитолия.

В это время Персей с сыновьями спускался вниз по ступеням Мамертинской тюрьмы, выдолбленной в толще того же capitoлийского холма.

---

⁵ Денарий – серебряная римская монета, равная 4 сестерциям, 16 ассам.

⁶ Ростры – ораторская трибуна на Форуме, украшенная носами вражеских кораблей.

Деметрий и Диодор

В самый разгар праздника через толпу, жадно наблюдавшую за триумфальной процессией, с трудом протискивался юноша. Гиматий из тонкой милетской шерсти, обшитый по краям золотыми нитями, выдавал в нем человека богатого и независимого. Но лицо его было бледнее мела, губы дрожали.

Преодолев последнее препятствие, он оказался в узком проулке, совершенно пустом, как все улицы, не отданные триумфу. Осмотревшись, юноша побежал вверх.

– Остановись, – слышалось сзади. – Куда ты, Деметрий?

Юноша внезапно остановился и прижался спиной к каменной ограде. Так он стоял некоторое время, вслушиваясь в приближающийся шум шагов своего преследователя.

Подбежавший тяжело дышал. Этот тучный человек, несмотря на возраст, сохранил живость и подвижность. Положив руку на плечо юноши, он сказал:

– Я тебя предупреждал – не ходи. Даже ромеи не все могли вынести это зрелище.

– Ты прав, Диодор! – отозвался юноша. – Но мне казалось, что я смогу с собою совладать. Так хотелось увидеть племянников и издала проститься с ними!

– Может быть, им сохранят жизнь, – неуверенно произнес Диодор.

– Моя несчастная сестра! – простонал юноша. Деметрий оторвался от стены, и Диодор быстрыми движениями стал очищать его одежду от мела.

– Знал бы отец, – заговорил наконец Деметрий, – на какие страдания он обрек Лаодику.

– Ты не прав, – мягко перебил его Диодор. – Селевк был великим политиком, свадьба Лаодики и Персея была частью его грандиозного плана противостояния Риму. Бывали случаи, когда даже трагедии великого Софокла терпели провал. И было бы несправедливо возлагать вину на Софокла, а не на дурных актеров.

– Разве отец не сам подбирал исполнителей? Персея он избрал мужем для своей дочери, а никчемного пьяницу Антиоха – своим преемником.

– Но в первых актах актеры неплохо играли свои роли, – возразил Диодор, – особенно Персей. Начало его царствования называли утром Эллады. Юный царь сделал все, чтобы снискать любовь не только своих подданных, но и свободных эллинов. Он объявил амнистию и раскрыл тюрьмы, простил государственных должников. А эллинов, находившихся в изгнании или по иным причинам покинувших отечество, пригласил к себе. Он обещал им не только поддержку, но и возмещение утраченного имущества. Эллада не знала подобного благородства даже в лучшие свои времена.

Деметрий вздохнул, опыт подсказывал, что сейчас его воспитатель предастся воспоминаниям.

– В год смерти Филиппа и воцарения Персея я, по поручению твоего отца, отправился на остров Делос, чтобы прикупить рабов для царских кораблей. Как-то утром я вышел на агору⁷ и вижу – у булевтерия⁸ целая толпа. «Где толпа, там что-нибудь новое», – подумал я и не ошибся. У стелы, исписанной сверху донизу, люди молча читали и перечитывали, словно не веря, царский декрет. «О, боги, – вдруг крикнул кто-то у меня за спиной. – Значит, есть еще в мире справедливость!» «Вместо винного бурдюка (так тогда называли Филиппа) будет царствовать благодетель человечества!» – подхватил кто-то другой. И сразу все закричали, и уже ничего нельзя было понять. Какой-то старик бросился меня целовать, видимо, приняв за изгнанника. С трудом я выбрался из возбужденной толпы.

– А вскоре я увидел и самого Персея, – торжественно произнес Диодор после паузы.

---

⁷ Агора – торговая площадь и место народных собраний в древнегреческих городах.

⁸ Булевтерий – место заседаний городского совета (буле).

– Как же, – вставил Деметрий, уже не раз слышавший эту историю, – отец послал тебя сопровождать Лаодику.

– Да, я знаю, что уже рассказывал тебе об этом. Но хочу тебе напомнить, каким был тогда Персей. Атлетически сложенный, он походил на изваяние Лисиппа⁹. Ясные глаза. В каждом движении благородство и царское достоинство. А как он был приветлив с нами, сопровождавшими Лаодику...

– Интересно, какие слова ты отыщешь, чтобы оправдать другого отцовского избранника? – иронически заметил Деметрий.

– Я его не собираюсь оправдывать, но скажу, что воцарения его хотели все. Тебе тогда едва исполнилось тринадцать лет, и, если бы отец назначил наследником тебя, от твоего имени правил бы гнуснейший из царедворцев – Лисий...

– Что же будет дальше? – воскликнул Деметрий. – Я уже не мальчик, а Антиох, кажется, не торопится заменить меня в Риме своим сыном Антиохом.

– Путь в Антиохию не прост, – проговорил Диодор сокрушенно. – Короны не падают с неба. Персею пришлось убить младшего брата, стоявшего на пути к трону. По нынешним временам вряд ли такой путь приемлем. Все равно царей утверждает Рим. Остается доказать сенаторам, что Антиох – не тот человек, которому можно доверять. Он уже однажды против их воли пошел войной на Египет. Его поставили на место. Что он замышляет теперь? Проникнуть бы в его тайные планы и раскрыть их ромеям...

– Разумно! – согласился Деметрий. – Но как это сделать, находясь в Риме...

– Вот именно! – воскликнул Диодор, радуясь, что подвел Деметрия к давно уже принятому им самим решению. – Может быть, мне стоит оставить на некоторое время тебя в Риме одного и попытаться подготовить твое возвращение в Антиохию?

– Что ты имеешь в виду? – спросил Деметрий.

– На месте виднее. В Сирии немало людей, которые ненавидят твоего дядюшку и особенно Лисия. Неплохо бы также заручиться поддержкой Лаодики. Ее любят в Антиохии, и ее помощь была бы неоценимой.

– Ну тогда скорее в путь! Сколько дней тебе нужно, чтобы собраться?

– Не спеши, – ответил Диодор. – Надо сначала узнать о судьбе Персея и мальчиков, чтобы прийти к Лаодике не с пустыми руками, даже если на это уйдет год-другой.

---

⁹ Лисипп – греческий скульптор V в. до н. э.

На Капитолии

Триумфатор сошел с колесницы и кивком указал ликторам на Гая. Они сняли мальчика и передали его подбегавшему Публию. Он должен отвести Гая домой. Эмилия Павла окружили жрецы и сенаторы, и процессия стала медленно подниматься по ступеням капитолийского храма.

Триста пятьдесят лет прошло с тех пор, как он воздвигнут этрусскими царями и вскоре освящен римскими консулами. По этим ступеням шествовала сама история: не было ни одной сколько-нибудь значительной победы, в честь которой здесь не приносили жертв. Сначала побеждали врагов где-то рядом, потом за сотни миль, на краю Италии, а затем так далеко, что весть о победе отставала от нее на недели и месяцы. Но все равно Юпитер получал положенное.

Храм оставался таким, как и триста пятьдесят лет назад. Ни один камень не сдвинут с места. Ни одна черепица не заменена на кровле. Жрецы приносят жертвы тем же богам. И хотя римские боги из обожженной глины, от них больше прока, чем от мраморных и золотых идолов Востока.

Остановившись перед обнаженной статуей Юпитера, Павел снял с себя тяжелую пурпурную мантию. Двое жрецов подхватили ее и тотчас накрыли глиняное тело. Одновременно другой жрец возложил на голову бога золотой венок, который несли за триумфатором. Служитель в это время смывал с триумфатора священный грим.

Теперь Эмилий Павел похож на самого себя. Нездоровая желтизна лица. Лоб в сети морщинок. Дряблая кожа стареющего человека. Подергивающаяся бровь.

Пока возвращали богу его одеяние, с капитолийской площади убрали коней и колесницу, очистив место для быков.

Появление на ступенях храма Эмилия Павла было сигналом для заключительной части триумфа. Флейтисты вскинули сдвоенные флейты, капитолийская площадь заполнилась звуками печального фригийского лада. Двое юношей подвели к алтарю первого быка. Младший жрец провозгласил:

– Жертвенное животное готово.

– Действуй! – ответил старший жрец.

Юноши взяли за рога и приподняли голову животного, обнажив шею с жирными складками. Блеснул жертвенный нож.

Внезапно бык заревел и мотнул головой. В этом движении была такая сила, что юноши отлетели в стороны. Животное медленно пятилось. Никто не пытался его удержать. Это запрещалось священными законами.

Лицо Павла стало белее мела. Юпитер отверг жертву. В тот день, когда на Марсовом поле решалось, быть или не быть триумфу, от внезапного приступа умер младший сын: «Значит, Юпитеру мало одной кары».

Почувствовав прикосновение чьей-то руки, триумфатор оглянулся и увидел Катона. Конечно, только Катон мог себе позволить приблизиться к нему в этот торжественный и страшный миг.

– Мы с тобой старики, – начал Катон внушительно. – Много видели, многое испытали. Разве нас может сломить какая-то случайность?

Павел вздрогнул.

– Но Юпитер не захотел принять жертву. В тот день, когда я обратился к богам с мольбой лучше покарать меня, чем республику, от внезапного приступа умер мой младший сын. А теперь Юпитер снова показал, что гнев его не утих. Может быть, ему неуютен мой второй брак?

Катон замахал руками:

– Что ты придумываешь? Ведь и у меня вторая жена! И у многих...

– В чем же тогда я провинился? Разве я не отблагодарил Юпитера за победу над Персеем? Может быть, мало пожертвовал Сатурну? Или что-нибудь утаил из добычи? Ты знаешь, что я ничего не взял себе, кроме книг царской библиотеки. И то для сыновей!

– Успокойся! – проговорил Катон строго. – Жертвоприношение надо продолжать.

Катон отошел в сторону, и его грузная фигура скрылась за колонной.

Павел подал знак. И юноши подвели к алтарю второго быка.

– Жертвенное животное готово!

– Действуй!

И вот уже вместо красавца быка громоздится окровавленная туша. Опустившись на колени, жрецы копошились во внутренностях.

Краем тоги Павел стер со лба пот. На белой материи обозначился кровавый след. Что это? Новое знамение! Растерянный и напуганный, он принял остатки грима за кровь.

Внезапно послышался детский плач. Резко обернувшись, он увидел Публия с плачущим Гаем на руках.

– Почему вы вернулись? – спросил отец. – Почему Гай плачет?

– Потому что маленький, – ответил Публий неуверенно.

– Нет! Нет! – всхлипывал ребенок. – Дети Персея такие же, как мы...

Павел от удивления потерял дар речи. Эта мысль не приходила ему в голову. «А если Юпитеру неужодна казнь Персея?»

– Не плачь! – произнес он решительно. – Дети и их недостойный отец останутся живы.

Личико ребенка просияло.

Проводив сыновей, Павел вновь поднялся на ступени храма. Туши принесенных в жертву быков уже заняли половину капитолийской площади.

«Ничего не случилось, – думал Павел, отгоняя тревогу. – Юпитеру неужодна казнь. Ну и пусть живет трус, не сумевший избавить себя от позора».

Торжище

Приближаясь к Бычьему рынку, без труда можно понять, что за торг там идет. Владельцы четвероногих не имели привычки расхваливать свой товар, да и покупатели, неторопливо осматривая и ощупывая животных, не спорили из-за каждого асса.

Шум, выкрики, свист бичей, плач, вопли дали знать, что на продажу вывели двуногих. Цены на них скакали в зависимости от войн, которые вели римляне за пределами полуострова. Каждая из побед выбрасывала на Бычий рынок тысячи новых невольников, одновременно снижая на них цену.

Толпа подступила в деревянному помосту с выставленными на нем мужчинами и женщинами, юношами и девушками, детьми. Ноги у всех были вымазаны мелом, головы покрыты лавровыми венками, ибо продавалась военная добыча. На мужчинах и детях не было одежды. Тела женщин покрывали грязные лохмотья.

По краю помоста важно прохаживался человек средних лет, плотного телосложения, с лицом кирпичного цвета. В левой руке у него были небольшие металлические весы, в правой – плеть с раздвоенным концом. Остановившись около высокого крепкого мужчины, угрюмо смотревшего себе под ноги, он ткнул в него рукояткой плети.

– Взгляните на этого эпирского Геркулеса. Такой раб может и поле вспахать, и камни таскать. А цена ему всего триста сестерциев. Кто набавит?

Краснорожий щелкнул плетью.

– Триста, раз.

– Даю триста пять! – крикнул кто-то из толпы.

– Триста пять, раз, – произнес краснорожий, ударяя плетью. – Два, триста пять. Триста пять, три. Забирай Геркулеса.

Покупатель вышел из толпы и, держа в руках монету, произнес:

– Я заявляю, что этот эпирец по праву квиритов принадлежит мне и что я его купил этой монетой и этими весами.

Он постучал монетой по протянутым ему весам и отсчитал деньги. Краснорожий сгреб их и бросил в небольшой деревянный бочонок.

Подойдя к двум прижавшимся друг к другу рабам, бородачу лет пятидесяти и подростку лет пятнадцати, краснорожий ткнул плетью старшего.

– Это учитель. Голова его набита всякой премудростью грекулов¹⁰. Может читать, писать, считать; стихи сыплются из него, как из решета. И цена этому мудрецу – две тысячи сестерциев.

– Ого! – послышалось из толпы. – За старца-то две тысячи!

– Какой же он старец, Тит? – возразил краснорожий. – Он слышит и так же прекрасно видит, а зубы... Поднимись, взгляни сам.

Тот, кого называли Титом, вскочил на помост и, подбежав к бородачу, привычным движением схватил его за подбородок.

– Зубы на месте, – подтвердил он, – но просишь много.

– Учителя теперь в цене танцовщиц идут, – заявил краснорожий. – Это раньше они дешевле цирюльника стоили. Ведь каждому хочется, чтобы его дети по-гречески лопотали.

С этими словами он щелкнул плетью.

– Две тысячи, раз!

Толпа молчала.

– Две тысячи, два!

– Беру я его! – выкрикнул Тит.

---

¹⁰ Грекулы (буквально: гречишки) – презрительное обозначение греков римлянами.

– Две тысячи, три! Уводи. Я запишу его на счет твоего господина Катона.

Когда Тит подошел к бородачу, тот еще крепче прижался к мальчику.

– Он у тебя строптивый, – протянул Тит. – А ты о пороке не объявил.

– Какой там строптивый! Просто еще неученый.

Краснорожий поднял плетъ, и бородач отскочил, видимо опасаясь, что достанется и мальчику.

– Прощай, Андриск! – простонал он, спускаясь вслед за покупателем с помоста.

– Прощай, отец! – проговорил мальчик дрогнувшим голосом.

– А этот юнец, – краснорожий ткнул плетью в сторону Андриска, – взгляните, внук самого Пирра.

Толпа отозвалась на шутку одобрительным хохотом. Имя Пирра было известно каждому. Этот эфирский царь дважды побеждал римское войско и дошел до двадцатого милевого столба¹¹. Но бледный подросток с дрожащими губами менее всего походил на родственника великого воителя. И цена ему не царская – двести сестерциев.

Отходя к краю помоста, краснорожий щелкнул плетью.

– Раз, двести. Два, двести.

– Беру! – послышалось из толпы.

– Три, двести! Забирай внука Пирра. Он находка для твоей мастерской.

В толпе захохотали. Закрыв лицо руками, Андриск спускался с помоста.

---

¹¹ Расстояние до Рима измерялось в милевых столбах. Римская миля соответствовала 1479 м.

Изгнанники

Море затихло и словно бы притаилось в ожидании новой бури. Алкионы¹², встревожив его стремительным полетом, скрылись на прибрежных островках, чтобы снести яйца. Наступили тихие и безветренные дни, которые называются Алкионейями, удобные для плаваний на короткие расстояния.

Но этот корабль, судя по глубокой осадке, шел издалека. Трюмы таких «круглых кораблей» обычно бывают забиты зерном, рудой, рыбой. На палубах едва увидишь двух-трех мореходов. Здесь же люди повсюду – на палубе, на носу, на корме. Стоят, прижавшись к перилам и друг к другу, сидят на связках канатов, подпирают спинами мачты.

Море изменило цвет, став из бирюзового грязно-серым, как и всюду, где реки приносят в дань Посейдону свои мутные воды. Мерно поднимались и опускались весла, судно рывками двигалось к песчаному берегу.

– Вот и она, Остия! – воскликнул человек лет тридцати пяти, обратив к соседу огромные горящие глаза.

– Скажи лучше, «пасть», Телекл! – отозвался сосед с улыбкой.

– Откуда ты это взял, Полибий?

– Потому что на языке ромеев «Остия» – устье, уста. Но поскольку слово «уста» подходит Риму не больше, чем волку красноречие, я употребил слово «пасть».

– Выходит, Рим открыл свою пасть, чтобы нас проглотить. – усмехнулся Телекл. – Одно утешение, что мы с тобой будем вместе. В конце концов и здесь можно найти дело. Вспомни, Филипп, отец Александра, тоже был заложником.

– Мы не заложники. Мы изгнанники. Рим взял нас к себе. На родине мы для него опаснее, чем здесь.

Полибий стиснул кулак и ударил им по мачте с такой силой, что она загудела.

– Я вспомнил кулачный бой у нас в Мегалополе. Бились двое: один – здоровяк, другой на вид тщедушный и жалкий. Их жребий свел. Слышу, как мой сосед сам с собой рассуждает: «Бедняга! Сейчас тебя сплющат в лепешку». И впрямь! Стал здоровяк тщедушного колошматить. Я глаза прикрыл, чтобы смертоубийства не видеть. Но тщедушный дождался, пока здоровяк выдохнется, и начал! Один удар точней другого. И здоровяк свалился, как мешок с песком. Что тут было! Все десять тысяч зрителей встали. И я среди них!

– Перестань! Ты знаешь мое отношение к этим грубым зрелищам. Я и сам не был на палестре¹³ и своего Критолая туда не пускал.

– Кулачный бой я к примеру привел, – перебил Полибий. – Семнадцать лет Рим с Ганнибалом воевал. А эллины наблюдали: «Пусть себе колошматят друг друга, лишь бы нас не трогали!» Рим устоял в смертельной схватке, а потом за Македонию принялся. Вот тут уж эллины наблюдали с интересом: ведь не было для них врага страшнее Македонии. И когда Рим Филиппа Македонского на лопатки положил, Эллада ликовала, вообразив, что обрела свободу. А Рим уже с Сирией схватился: кто кого? Один удар – и Антиох упал на колени. Это случилось на наших глазах. Ты помнишь? Кто молчал, а кто по привычке пел хвалу сильнейшему. И тут-то в драку вступил Персей, сын Филиппа. Тогда считалось безумием задевать Рим. И что же? Не ромеи били Персея, а Персей ромеев! Удар! Еще удар! И нам, глупцам, казалось, что в Персея вселился дух Александра.

---

¹² Алкионы – зимородки. Необычайная преданность самцов и самок этих птиц друг другу породила в древности легенду, будто даже свирепые ветры смягчают свою ярость в те семь зимних дней, когда зимородки высидивают птенцов.

¹³ Палестра – в древнегреческих городах место спортивных упражнений и состязаний.

– Да! Да! – горячо подхватил Телекл. – Мы, коринфяне, ликовали, хотя для нас македоняне как кость в горле.

– Персею, – продолжал Полибий, – кое-кто помощь обещал, а кто-то тайком и послал. Заколебались самые верные друзья Рима. Но вот Пидна¹⁴. Я бы ее пигмой¹⁵ назвал, ибо ромеи вот такой кулак показали.

Полибий поднял кулак и потряс им над головой.

– Не только македонянам, но и нам, эллинам. И все на место стало. Начали ромеи праву чинить. Кому голова прочь! Кого в оковы и на помост, а таких, как мы с тобой, к себе на исправление. Ибо политика – не кулачный бой, где двое быются, а остальные глазают!

– Я не перестаю тебе удивляться, Полибий! В нескольких фразах ты обрисовал историю наших полувековых ошибок и заблуждений.

– А что пользы? Скифы говорят: «После драки кулаками не машут».

– Смотри! На берегу один с трубой, а другой со свитком.

– То, что ты назвал трубой, конус для усиления голоса.

Корабль, развернувшись, подходил к причалу правым бортом. Гребцы убирали весла. Матросы бросили на берег канаты. И вот уже изгнанники спускаются по сходням, таща на плечах поклажу.

– Ого! Сколько нас! – воскликнул Телекл, глядя на заполнявшуюся площадь.

– Набили, как яму соленой кефалью! – откликнулся Полибий.

Глашатай поднес руку с конусом ко рту, и площадь наполнилась мощными звуками.

– Ахейцы! Сенат и римский народ постановили разместить вас в разных городах Италии. Сейчас я назову города, предназначенные для вашего пребывания. В каждом дозволено жить по двое, по трое.

– Альба Фуцинская, Арреций, Больсенна, Волатерры, Ветулония, Вульчи, Кортон, Мурганция, Мутина, Окрикул, Перузия, Рузеллы...

– Тебе что-нибудь говорят эти варварские названия? – спросил Телекл, не дождавшись конца чтения.

Полибий дернул плечами.

– Удивляюсь, откуда у них столько жалких городов.

– На каком же нам остановиться? – в голосе Телекла звучала озабоченность. – Бывают города на гиблых местах.

– Придется положиться на слух. В имени Больсенна звучит что-то коварное, затягивающее. Кортон – каркает. Перузия сулит скорую смерть. Может быть, выбрать ее, чтобы не мучиться?

– Тебя ли я слышу! – воскликнул Телекл.

– Остается Альба Фуцинская. Первую часть этого названия я могу истолковать как «белая».

– Ты прав! Снежные горы здесь называются Альпами.

– Вот-вот! Высота, белизна! Возьмем этот город.

– Возьмем! И побыстрее, пока он не приглянулся другим.

Мимо растерявшихся людей Полибий и Телекл прошли к писцу, восседавшему на стуле.

– Выбрали? – спросил тот по-эллински.

– Нам Альбу Фуцинскую, – проговорил Телекл.

– Можно и Альбу! Назови свое имя.

– Телекл, сын Филодама.

---

¹⁴ Пидна – место разгрома македонской армии в 168 г. до н. э.

¹⁵ Пигма – по-гречески кулак.

Писец долго искал в свитке имя «Телекл» и, отыскав его, что-то написал в другом свитке напротив первого города.

Не поднимая головы, он обратился к Полибию:

– А ты?

– Полибий, сын Ликорты.

Писец отложил свиток и произнес торжественно:

– Для тебя, Полибий, свое назначение. Там твоя повозка. Тебя отвезут к месту.

– Но мы хотим вдвоем! – воскликнул Полибий. – Глашатай объявил по двое и по трое.

– Кому вдвоем и втроем, – проговорил писец, отчеканивая каждое слово, – а тебе одному.

И слово «хотим» надо было дома оставить, Полибий, сын Ликорты!

– Я останусь один! – воскликнул Телекл. – Один на чужбине, в какой-то проклятой богами Альбе! И мой Критолай не сможет отыскать моей могилы!

– А где буду я? – угрюмо протянул Полибий. – Может быть, меня отделили потому, что я гиппарх¹⁶ и нуждаюсь в особо строгом надзоре?

Они обнялись и долго стояли, не в силах оторваться друг от друга.

---

¹⁶ Гиппарх – начальник конницы, второе по значению должностное лицо в Союзе ахейских городов-государств. Полибий занимал должность гиппарха в 169–168 гг. до н. э. К этому времени ему было немногим более тридцати лет.

Филоник и Андриск

По кривой римской улочке шли двое – плотный лысый человек в дорожном гиматии с капюшоном и худенький мальчик в рваном хитоне, босой, со светлыми, давно нечесаными волосами.

– Вот так, Андрокл, – проговорил лысый по-гречески. – С этого дня у тебя начинается новая жизнь.

– Меня, господин, зовут Андриском, – буркнул мальчик.

– Как захочу, так и назову, – отозвался лысый без злости. – Ведь ты раб.

– И еще, – добавил он, почесывая висок мизинцем, – благодари богов, что твой господин – Элий Пет.

Улочка, змеившаяся вверх, начала спускаться под гору. Двухэтажные дома с неизменной лавчонкой на первом этаже сменились лачугами, жалкими и неряшливыми. Пахнуло гнилью. Видимо, неподалеку была городская свалка.

– Куда мы идем, господин Элий? – осмелился спросить Андриск.

Лысый рассмеялся.

– Какой я Элий! Элий – римский сенатор и консул. Стал бы Элий пешком по Риму ходить? Меня зовут Филоником. Я был рабом Элия, как сейчас ты. А моя супруга Гликерия – рабыней, кормилицей его дочурки. Когда та подросла, господин отпустил Гликерию на свободу и меня с ней заодно. У нас денег хватило свое дело завести, мастерскую в Кумах. Туда мы с тобой и идем. Рабов же я на господские деньги покупаю. И товар продаю. Доход с господином пополам, по справедливости. А дом, что в Кумах, господский. Мастерская наша скорняжная. Работа не чистая. Да и кожи не фиалками пахнут. Но на судьбу не жалуюсь.

Навстречу им двигался человек со странным сооружением на голове. За ним другой. Подойдя ближе, мальчик увидел, что идущий впереди совершенно гол, а на голове у него колодка, куда всунуты руки. При виде прохожих тот, кто шел сзади, с размаху ударил голого бичом по спине.

Филоник взял мальчика за руку и стал вместе с ним у забора, чтобы пропустить идущих.

– Беглый! – произнес он, когда стихли свист бича и стоны. – Обычно такого зрелища римляне не пропускают, но сейчас на Форуме интереснее. Я же на раба никогда руки не подниму, хотя Элий мне власть дал. Рабы меня между собой «добряком» называют. Но тех, кто плохо работает, я продаю и деньги возвращаю господину.

Они подошли к городским воротам. Двое стражников, опершись на копья, переговаривались на своем каркающем языке.

– Судьбу свою клянут! – пояснил Филоник, когда ворота остались позади. – Сегодня на Форуме покажут гладиаторов. Народу будет дано угощение. А им пост покинуть нельзя!

Утро Полибия

Рядом с Полибием стоял человек с усталым, невыразительным лицом. Потускневшие глаза. Дряблый подбородок с порезами от бритвы. Трудно поверить, что это сам Эмилий Павел, победитель Персея.

– У меня дома книги, – начал ромей, легко выговаривая слова чужого языка. – Я хочу сказать – библиотека царя Персея.

«Начало хорошее! – подумал Полибий. – Книги, значит, не тюрьма».

– Двадцать мешков книг. Свиткам тесно.

– Понял! – подхватил Полибий, не узнавая своего голоса, приобретшего заискивающие нотки. – Свитки надо вынуть, просушить, сложить...

– По авторам и предметам, – добавил Павел. – Философа к философу. Историка к историку. Я же покину этот дом. Он будет библиотекой.

Ромей внезапно умолк. По лицу его пробежала тень. Он повернулся и быстро вышел.

Не успел Полибий опомниться, как из-за колонны вышел черноглазый человек.

– Меня зовут Исомахом, – представился он. – Я – раб Эмилия Павла. Господин приказал тебе прислуживать. Я из Эпира. О судьбе нашего народа ты, верно, знаешь.

– Я – Полибий, сын Ликорты, ахеец. Мы, ахейцы, не успели заключить договора с Персеем. Поэтому нас не обратили в рабство, а потребовали выдачи тысячи заложников. Я – один из тысячи.

– Ваше счастье! Нас же выгнали из домов, заковали в цепи, посадили на корабли. Теперь города Эпира пусты. Ни людей, ни животных. Моя родина превращена в пустыню.

– Да, это страшно, – посочувствовал Полибий. – В один день превратить целый народ в рабов! На это способны только ромеи. Но ты догадываешься, почему они так жестоко поступили именно с вами, а не с теми, с кем вели войну?

Исомах задумался.

– Может быть, потому, что наш Пирр вторгнулся в Италию и громил ромеев?

Полибий помотал головой.

– Вряд ли! Ромеи – народ расчетливый. Они руководствуются не обидами, а выгодами. Если поработить и вывезти македонян, с севера вторгнутся фракийцы, народ многочисленный и воинственный. Пока ромеям не до них. Вот они и оставили македонян, как свою пограничную стражу. А вы жили в глубине Эллады.

– Именно, жили! – подхватил Исомах. – А теперь по всей Италии прозябаем. Хорошо еще, я к Эмилию Павлу попал. Жаль мне его, хоть он и ромей.

– Это почему же?

– Как, ты не знаешь? Он за несколько дней потерял двух младших сыновей. Один умер в день, когда на Марсовом поле решали вопрос о триумфе. Рабы болтают, будто Павел там сказал: «Пусть лучше боги покарают меня, чем республику». Вот и покарали. А другой, Гай, совсем мальчонка, умер через пять дней после триумфа.

– Он македонского царя спас, – продолжал Исомах после паузы. – Отца упросил, чтобы его и царевичей не казнили.

– А у нас все уверены, что Персей и его сыновья казнены.

– Живы они. Их куда-то отправили.

Раб махнул рукой.

– Пойдем к столу. Там и поговорим.

В триклинии¹⁷, куда прошли Исомах и Полибий, был накрыт небольшой стол, подле которого стояло ложе.

Полибий придвинул к себе миску с кашей.

– У нас ромеев кашеглотами называют, – сказал он с улыбкой.

– И у нас их так дразнят. Но дома они обед с яйца начинают. Поговорка у них такая есть, «аб ово» – «с яйца». Пошлют тебя на Форум – здесь так агору называют – за провизией. Придешь. Начнешь отчитываться: купил, мол, то-то и то-то. Видел того-то и того-то. А тебе скажут: аб ово, т. е. по порядку.

– Ты мне о яйце напомнил. Давай я его накрошу.

Он накрошил яйцо в кашу и принялся за еду. А его собеседник взволнованно заговорил:

– Жена у меня рано умерла. Позора нашего не испытала. На помосте меня продавали, как скотину, зубы смотрели. С сыном разлучили. Я попытался узнать, кто его купил, да оказалось, не римлянин. А Италия велика, где его найдешь. Сам же я сперва к Катону попал.

Полибий отодвинул миску. Имя Порция Катона было ему известно. Ахейские послы, возвращаясь из Рима, много рассказывали о неуступчивости Катона. «Если бы сенат состоял из одних Катонов, – говорил один из них, – быть бы нам всем в рабстве!»

Исомах налил из кувшина в фиал желтоватую жидкость и пододвинул фиал к Полибию.

– Попробуй! Это мульт. Из меда с вином делают.

Полибий сделал глоток. Напиток был приятным.

– Так вот! – продолжал Исомах. – Суд у себя на дому этот Катон устроил. Свод законов для рабов выдумал, хуже драконовского¹⁸. На стену приколотил. За неряшливость, за обман, за воровство, за каждый проступок – особое наказание. И рабы руки должны поднимать открыто, словно граждане экклесии¹⁹, чтобы господин видел, кто как судит. Если постановили пороть, господин собственноручно выпорет.

– Ну и изверг! – вставил Полибий. – Придумать же такую пародию! Это он не только над рабами, но и над эллинской демократией издевается!

– А со мной, – продолжал Исомах, – такое дело вышло. – Приспособил меня Катон с детьми заниматься. Не прошло и месяца, как один из родителей за старательность дал мне лишний асе. Я его истратил, посчитав, что это вознаграждение мне, а не дополнительная плата господину. Стало это Катону известно. Собрал он рабов и выступил как обвинитель. Спор между рабами-судьями возник – считать ли утайку обманом или воровством? Голоса поровну разделились. Катон присоединился к тем, кто считал воровством. И приговорили меня к ссылке на мельницу²⁰. Но моим спасением стала жадность Катона. Пожалев свои две тысячи сестерциев, он перепродал меня Эмилию Павлу.

Бросив на собеседника взгляд, Исомах увидел, что тот уронил голову на плечо.

– Совсем я тебя заговорил! – спохватился он. – А ведь ты с дороги.

– С корабля, – отозвался Полибий.

– Да-да! – подхватил Исомах. – На корабле какой сон. Пойдем, покажу постель.

---

¹⁷ Триклиний – столовая в римском доме.

¹⁸ Законы Драконта (Дракона) в Афинах славились исключительной жестокостью.

¹⁹ Экклесия – народное собрание в греческих демократических государствах.

²⁰ Работа на мельнице, где рабы вместе с лошадьми и мулами крутили тяжелое каменное колесо, считалась одной из самых тяжелых.

Бешеная собака

В то утро Андриск вместе с другими невольниками перетаскивал кожи из мастерской на окраине Кум в центр города, где жил Филоник. С наслаждением вдыхал он утреннюю прохладу, ибо ромеи отняли вместе со свободой и свежий воздух. Не только в мастерской, но и во всем квартале от мокнувших в деревянных чанах шкур стояла удушливая вонь. Опытные мастера ловко орудовали остро наточенными ножами. Андриску же велели таскать обработанные шкуры к протекавшему через двор ручью и мыть их в проточной воде.

Многие в мастерской потешались, наблюдая, как новичок то пытался заткнуть пальцами нос, то дышал открытым ртом, как рыба, вытщенная на берег. Только Блоссий – раб с открытым лицом и светлыми глазами, никогда не смеялся над мальчиком. Поэтому Андриск старался держаться ближе к нему.

Хотя солнце стояло уже высоко, двери домов почему-то были закрыты, окна задвинуты ставнями. Лишь испуганные рабы изредка перебежали улицу и, звеня щеколдами, исчезали в домах.

– Что это господа сегодня заспались? – спросил Андриск.

– Сам удивляюсь! – ответил Блоссий и, приметив выглянувшего из ворот раба, крикнул: – Друг! Какой сегодня праздник?

– Какой еще праздник, вонючка! – бросил раб, не останавливаясь. – В Кумах бешеная собака!

Андриск свистнул.

– Вот оно что! Может, лучше вернемся в мастерскую?

– До мастерской дальше, чем до Филоника. Нам бы в какой-нибудь дом зайти... Но кто к себе вонючек пустит?

Андриск зашагал быстрее. Блоссий его остановил:

– Не торопись! Все равно от судьбы не уйдешь! Мудрец Зенон говорил: «Покорного судьба ведет, непокорного тащит! «Судьба все равно того пса по чьему-то следу направила.

– Выходит, она заранее решила, чтоб нам с тобой быть рабами? – спросил Андриск.

– Разумеется! Но только ей известно, к лучшему это или к худшему. Она ведь и раба может сделать царем, а царя так согнуть, что он будет рабу завидовать. Возьми, к примеру, Персея.

– И ничего нельзя изменить?

– Нельзя! Но, к счастью, человек не знает, что его ждет. Поэтому он может вести себя с достоинством.

– Ну вот мы и пришли! – проговорил он после паузы. – Еще с десяток шагов, и мы в безопасности.

Не спуская с плеч ношу, Блоссий потянул веревку звонка, и через мгновение они оказались в перистиле²¹. У двери кухни Добряк распекал какого-то раба. Нарядно одетая девочка лет семи прыгала через веревочку подле цветника.

Блоссий и Андриск сбросили поклажу и ожидали, пока Филоник освободится.

Вдруг за их спиной послышалось какое-то движение. Во двор вбежала собака – взъерошенная, с мордой, покрытой пеной, и, словно не видя никого другого, кинулась к девочке. Андриск был к ней ближе других. Одним прыжком он оказался у клумбы и, схватив девочку, поднял ее над головой. Блоссий же, молниеносно подхватив оставленные кем-то вилы, вонзил их собаке в брюхо.

Филоник стоял с разинутым ртом, бледнее стены. Пот градом тек с его лба.

---

²¹ Перистиль – внутренний дворик дома, окруженный колоннадой.

– О боги! – выговорил он наконец. – Дочь патрона!

Из портика выбежала полная женщина и метнулась к Андриску. Он передал ей девочку, и толстуха стала покрывать лицо ребенка поцелуями:

– Девочка моя! Элия! Жива! Что же ты молчишь? Смотри, вот твоя скакалка... Давай будем играть вместе...

Обернувшись к Филонику, она крикнула:

– А ты что стоишь, как столб? Прикажи убрать собаку. Приглашай спасителей к столу! Сир! Пор! Несите ее прочь. Прямо на вилах! Фила! Ванну и горячей воды! Да не сюда, на кухню! Отмой и надуши спасителей, чтобы они пахли фиалками!

Работа

Полибий с трудом оторвал голову от подушки. Ныли ноги. Ломило поясницу. Пять суток на палубе, полдня на повозке. А потом эта странная встреча.

Он сбросил покрывало и опустил голые ноги на пол. Взгляд упал на груду кожаных мешков. Вот она, царская библиотека, пленница Рима.

Дотянувшись до одного из мешков, он пододвинул его к постели и развязал тесемки. С легким шелестом кожаные футляры покатались по мраморному полу.

«Вот вы и на воле!» – подумал Полибий, вдыхая распространившийся по комнате запах леса. Персей заботился о книгах, и по его приказу папирус пропитывали кедровым маслом, дабы уберечь от книжного червя.

Полибий поднял футляр с отпечатком подошвы и дырками от шести гвоздей – четыре на пятке и два на носке. Калига! Кажется, так здесь называется солдатская обувь. Этому футляру досталось больше других. Но что скрывается в нем? В мешке с футляров слетели ярлыки с именами авторов и названиями произведений. Чтобы найти им место, придется читать свитки.

«Что ж, – подумал он, утешая себя, – работа не хуже других. Благодаря ей я нахожусь в Риме, а не в итальянской глуши».

Полибий оглядел полутемную узкую каморку с окном, похожим на щель.

«Пещера Циклопа!» – с грустью подумал он.

Полибий расчистил на полу место и сел, подогнув под себя ноги. Это была поза индийского мудреца, и друзья удивлялись, что Полибию ничего не стоило просидеть в такой позе сколько угодно.

Дверь приоткрылась, в проеме показался поднос с едой, а затем Исомах.

– Не рано ли? – спросил он. – Господа в других домах еще дрыхнут, пока не испекут хлеб.

– Ты хочешь сказать, что здесь хлеб пекут дома, как в деревне?

– Именно так! Здесь на весь город одна пекарня.

Полибий взял ломоть хлеба и откусил. Вспомнилась поговорка: «Горек хлеб чужбины!» Нет, хлеб был душист и солон в меру. И петухи поют здесь, как в Мегалополе. Слышится эллинская речь. Но все здесь чужое и странное.

– Как пройти в палестру? – спросил Полибий, вставая.

Исомах усмехнулся.

– Да здесь и слова этого не поймут! Нет в Риме палестр, как нет и атлетов. Здесь стыдятся обнаженного тела. В баню, здесь ее называют термами, отец с сыном или с зятем вместе не пойдут. На Форуме статуй поставили – не пройдешь, и все в одеяниях. Палестру здесь заменяет цирк, атлетов – гладиаторы.

– Покажи мне Рим, – сказал Полибий после паузы. – Покажи мне этот город, который считают пупом ойкумены²².

---

²² Ойкумена – согласно представлениям древних греков и римлян, обитаемая часть мира.

В Антиохии

Широкая, всегда шумная улица вела к Оронту. Разделившись на два рукава, река обняла кусок суши с царским дворцом. Сюда сходились все нити управления державой, протянувшейся на восток до парфянских степей, на север – до киликийских гор, на юг – до Аравийской пустыни. Отсюда гонцы доставляли приказы сатрапам и правителям городов. Сюда свозили золото, серебро, жемчуг, драгоценные камни, – все, чем уже полтора века народы Азии расплачивались за то, что некогда оказались неспособны противостоять стремительному Александру.

Когда он, будучи совсем еще юным, скончался в Вавилоне, на этом острове, омываемом Оронтом, паслись козы. При полководце Александре Селевке Победителе, унаследовавшем Азию, с острова прогнали коз и воздвигли крепость. При сыне Селевка, Антиохе, построили и дворец, соорудили взамен деревянного четыре каменных моста, связавшие дворец с пустошью на левом берегу Оронта. Тогда же поднялись мощные стены, опоясавшие пустошь, и первые дома обозначали направление четырех главных улиц, ведущих к четырем городским воротам.

Не прошло и полувека, как Антиохия на Оронте стала тем же, чем во времена ассирийцев была Ниневия, при халдейских царях – Вавилон, при персидских – Персеполь. А обладатель Острова стал в этой стране низких поклонов живым богом, повелителем всего, что в ней есть и было. Перед ним склонились бесчисленные народы. Ему принадлежали виноградники, холмы с пасущимися на них стадами, караванные дороги с бредущими по ним навьюченными мулами и верблюдами, пристани и верфи во вновь построенных приморских городах. Даже над прошлым он был властен. Недаром верховный жрец бога Ваала²³ Берос²⁴ преподнес основателю столицы историю вавилонских царей за три тысячи лет. А кому подчиняется будущее? Вавилонские астрологи, которых по всему кругу земель называли халдеями, ночи напролет изучали звезды над Антиохией, пытаясь это понять. И все чаще с их слов распространялись слухи, что звезда Антиоха Епифана, или, как его называли в народе, Епимана²⁵, закатилась, и на острове надо ждать перемен.

* * *

Царь пил фиал за фиалом. Сидевший напротив человек с узкой седой бородкой говорил тихо, вкрадчиво, без всякой интонации, но закончил энергично:

– Итак, казна пуста.

Антиох с усилием повернул голову. Кажется, смысл доклада до него не дошел.

– Как пуста, Лисий? – спросил он.

Лисий не растерялся:

– Ну так, как будет пуст стол, если убрать с него посуду.

Он провел по поверхности стола ладонью, словно бы счищая крошки:

– Не осталось ничего. Половину съел твой египетский поход. Третью – осада Иерусалима. Остальное разошлось по мелочам: пиры, подарки послам, содержание соглядатаев, постройка кораблей. У меня тут все записано.

---

²³ Ваал – измененное греками имя вавилонского бога бури, грома, молнии и плодородия Баллу, изображавшегося в виде могучего быка или воина, поражающего землю молнией-копьем.

²⁴ Берос написал «Вавилонскую историю» в трех книгах, где изложил местные легенды и исторические предания вавилонян.

²⁵ Епифан, в переводе «славный» – имя, присвоенное Антиоху IV (175–164 гг. до н. э.). Но в народе его называли «епиманом» – безумцем.

Лисий протянул Антиоху свиток.

– Но тут одни расходы, – сказал царь, отстраняя свиток. – А доходы? Дань с Армении пятьдесят талантов. Взносы эллинских городов. Портовые сборы. А зерно и масло с моих земель? Монополия на продажу вина? Все это деньги!

Лисий покачал головой.

– Это так. Но Артаксий, которого твой царственный родитель поставил над армянами, не признает твоей власти и отказывается платить. С эллинских городов взято за пять лет вперед. Арабы нападают на караваны. Оронт обмелел, и корабли не доходят до Антиохии...

Глаза Антиоха налились кровью.

– Я заставлю... заставлю Артаксия платить. Я сам поведу войско.

– Война стоит денег, повелитель, – осторожно заметил Лисий.

– Но ведь я разбил Птолемея, завоевал весь Египет, кроме Александрии! – закричал Антиох. – Жрецы Мемфиса провозгласили меня фараоном, возложили на меня корону Верхнего и Нижнего Египта! Все золото Египта было бы моим, если бы не ромеи, будь они прокляты!

Он ударил кулаком по столу. Один из фиалов со звоном упал на пол.

– А пожалуй, с Арменией у тебя верный расчет, – внезапно оживился Лисий. – Конечно, она не так богата, как Египет, но зато и препятствий никаких. Ты достигнешь Артаксаты²⁶ прежде, чем армянские послы сумеют добраться до Рима... К тому же дорога в Армению идет через Табы...

– Через Табы! – радостно воскликнул Антиох. – Ну конечно же, через Табы! Там единственный храм, где я еще не бывал! Вот где окупится дорога в Армению!

Внезапно послышался шум, как от падения чего-то тяжелого.

Царь и царедворец переглянулись.

Первым обрел дар речи Лисий.

– Что это?

– Тебе лучше знать. Ты как следует проверил, что в зале никого нет?

– Разумеется! И у входа поставил стражу, – быстро проговорил Лисий, надеясь, что царь слишком пьян, чтобы уловить едва слышное шуршание одежды.

Пытаясь отыскать упавший предмет, они обшарили весь зал.

Вдоль стен стояли треножники с бронзовыми статуэтками богов и героев. Они принадлежали Антиоху Великому. Увлекаясь коринфской бронзой, он наполнил ею все свои дворцы.

Лисий наклонился и поднял с пола статуэтку.

– Вот что упало. В зале никого нет.

Он протянул Антиоху статуэтку. Тот взглянул на нее и побледнел. На лбу его выступили капли пота.

– Что с тобою, государь?

– Артемида... – пробормотал тот. – В Табах храм Артемиды.

– Ну и что? – нашелся Лисий. – Артемида пала пред тобою, показав, что готова на жертвы.

---

²⁶ Артаксата – столица древней Армении, построенная около 176 г. до н. э., согласно преданию, при участии бежавшего из Антиохии Ганнибала.

Посланец Деметрия

Три дня Диодор не мог встретиться с Лаодикой. Сначала он искал загородный дом, где она скрылась ото всех, а когда нашел, едва сумел уговорить слуг, чтобы те его впустили.

При виде бывшего царедворца Лаодика еще ниже опустила голову.

– Я не нуждаюсь в утешениях, Диодор! – проговорила она устало.

Вся в черном, она была прекраснее, чем в то далекое время, когда девушкой отправлялась в Македонию. «Изумруд в черной оправе!» – подумал Диодор.

– Я пришел не утешать тебя, – начал Диодор торжественно. – Я пересек море, чтобы передать тебе благую весть.

Лаодика вздрогнула.

– Твой царственный супруг и твои сыновья милостью всевышних богов живы. Ромеи сохранили им жизнь, поселив в городке, затерянном в лесах Италии...

Слезы хлынули из глаз женщины, и она их не вытирала.

– Живы... Ты не ошибся... Ты их видел?

– Их видел эллин-цирюльник, живший в том городке, а затем переехавший в Рим. Он отыскал меня и сообщил эту новость...

– Но кто верит циркульнику? – перебила Лаодика.

– Я сказал, что циркульник видел пленников. Но о том, что они живы, знает весь Рим. Известно также, почему ромеи, вопреки своему обыкновению, не казнили царя и его сыновей после триумфа. У Эмилия Павла, пленившего твоего царственного супруга, за несколько дней до триумфа скончался мальчик, такого же возраста, как твой Филипп. И он, сочтя смерть карой богов, в чем, я думаю, не ошибся, внял мольбе другого своего ребенка пощадить пленников. Этот маленький ромей также внезапно скончался через несколько дней.

Лаодика задумалась.

– Все это звучит как сказка. Жизнь моих мальчиков выкупили своими жизнями сыновья этого ромея. Мне даже его жалко.

– О, нет! – воскликнул Диодор. – Эмилий Павел не достоин доброго слова. Твой супруг и твои сыновья остались живы благодаря его суеверности, а не великодушию.

– Как ты думаешь, смогу ли я их увидеть?

– Не знаю. Вряд ли тебя пустят в Италию... А если попросить Антиоха, чтобы он обратился к ромеям с просьбой...

– Антиоха! – перебила Лаодика. – Да он, как рак, заполз на трон, который по завещанию отца должен занимать мой брат, и вцепился в него клешнями.

Диодор расхохотался.

– Одно слово, и он встает как живой, – красноречивый от непрерывного пьянства, с неподвижным бессмысленным взглядом. И даже руки он держит, как клешни, да и в политике умеет только пятиться.

– И долго еще ромеи будут держать у себя Деметрия? – спросила Лаодика.

Диодор развел руками.

– У ромеев триста сенаторов – триста царей. У каждого своя голова. Один скажет: «Пусть царствует Деметрий!» Другой, из упрямства: «Пусть останется Антиох». Третьему придет в голову: «Гнать их обоих! Пусть Сирия будет римской провинцией!» И пока нет единого мнения, Деметрию оставаться в Риме.

– Значит, нужно действовать, – сказала Лаодика. – Использовать каждый промах Антиоха. Сейчас он готовится идти походом на армян и, как мне стало известно, собирается по пути ограбить храм Артемиды в Табах.

– Но ведь Артемида – самая мстительная из небожительниц, – оживился Диодор. – Она за пустую похвальбу Ниобы истребила всех ее детей, превратила Актеона в оленя и дала его растерзать псам, убила Ориона. Неужели она потерпит надругательство над святыней?

– Не знаю, Диодор! Не знаю. Но мне известно, что жаждой мести пылают не только боги. Мне служат двое юношей. Рак казнил их отца. Ты можешь на них рассчитывать. Зайди ко мне дня через два.

Царственным жестом она протянула руку для поцелуя.

Навстречу Фортуне

В октябре город наполовину опустел. Разъехались гости, спасавшиеся в Кумах от духоты. Замер и дом Филоника. На кухне не гремела посуда, не скрипели половицы, лишь из сарая доносился приглушенный гул голосов.

Андриск запрягал мулов. Блоссий накладывал в повозку посуду и мешочки со снедью. Занятые делом, они переговаривались вполголоса.

– Не люблю откладывать! – Андриск погладил ладонью влажную, пахнущую потом спину животного. – Дорога тянет! Уже давно пора идти навстречу Фортуне!

– Вот именно! – подхватил Блоссий. – Не дожидаться, пока она даст тебе знак. Шагать! А там – будь, что будет. Так учил Зенон!

– Давно я хотел тебя спросить. Вот Сократ яд принял, хотя ему бежать предлагали. Диоген в бочке сидел. А Зенон что учудил?

Блоссий улыбнулся.

– Учудил... Ничего такого за ним не было. Жил без излишеств. Не пил вина. Не любил многолюдства. Спрятав свою душу от праздного любопытства, он и сам не был охоч до чужих секретов. Поэтому его любили македонские цари. А враги македонян, афиняне, оказали ему, чужестранцу, посмертные почести. Более всего он не терпел болтовни. Как-то юношу отчитал: «У нас для того два уха и один рот, чтобы мы больше слушали и меньше говорили».

– Молодец! – похвалил Андриск философа. – У нас в Эпире говорят: «Лучше воду реше- том носить, чем языком трепать».

– Когда ему было столько же лет, сколько сейчас тебе, он занялся торговлей. Корабль его налетел на скалу. Вплавь добрался он до Афин и остался там, отыскав учителей. Попав в Афины безвестным, он стал так знаменит, что македонские цари почитали за счастье письмо от него получить. Так ему улыбнулась Фортуна.

– Как и нам с тобой, – сказал Андриск. – Вот долго ли она улыбаться будет?

– Фортуна – скрытная госпожа, – ответил Блоссий. – Поди узнай, что у нее на уме. Но доподлинно известно, что она не терпит ленивых и равнодушных, а благоволит к растороп- ным и смышленным.

– Значит, и к тебе. Но разве это дело, достойное твоего ума: подсчитывать доходы Фило- ника и вести его переписку?

– Мне Фортуна тоже улыбнулась. Через несколько дней я буду учителем.

– Тебя нашли ученики?

– Пока ученица.

– А! – пренебрежительно протянул Андриск. – Большое счастье девчонку учить. У нас в Эпире говорят: «Женщину учить – время тратить!»

– Презрение к женщине – гибельный предрассудок, – проговорил Блоссий убежденно. – Римляне его почти лишены. Римская матрона не рабыня, а госпожа. Да и девочкам здесь дают образование.

– Я поеду! – сказал Андриск, поднимая вожжи.

– Но ты не узнал, кто моя ученица. Это Элия.

– Элия! – воскликнул Андриск. – Ты будешь учить Элию?

– Так распорядился наш патрон в письме к Филонику. Ведь Элии уже девять лет. Ее при- везут через несколько дней.

– А чему ты будешь ее учить?

– Всему тому, чему учили меня самого. Зенон считал, что душа женщины склонна к доб- родетели больше, чем мужская. А добродетель и знания неотделимы друг от друга. Следова- тельно, давая женщине знания, мы развиваем ее склонность к добродетели.

- А можно, когда я вернусь, ты и меня будешь учить?
- Конечно! Я буду учить вас вместе, как в римских школах.
- Не надо, как в римских, – перебил Андриск. – Вчера я мимо школы проходил, что на агоре. Такой вой стоял...
- Можешь не опасаться, – улыбнулся Блоссий. – Зенон запрещает наказание розгами.
- Одобряю! – сказал Андриск, садясь в повозку. – А Элии привет передай. Хорошая она, хоть и ромейка.

У цирюльника

Полибий стал чаще бродить по городу без провожатых. Он уже разобрался в путанице проулков и тупиков. Теперь он знал, в какое время и куда тянутся людские потоки. Если в направлении к Субурре торопятся люди в черном и коричневом, значит, десять часов дня и ремесленный люд возвращается к своим колодкам и гончарным печам. В это время не встретишь людей в белых тогах.

Именно этот час Полибий избрал для посещения цирюльника, полагая, что ему не придется ждать.

Усадив Полибия в кресло, цирюльник спросил по-гречески:

– Постричь? Побрить?

– Бороду постриги, брить не надо, видишь же, что не ромей!

– Вижу и радуюсь! – ответил цирюльник, доставая ножницы. – Ибо от ромеев, хотя они и стригутся и бреются, никакого дохода.

Ножницы застрекотали, и римский цирюльник, видимо не менее словоохотливый, чем люди его профессии во всем мире, не прекращая работы, изливал обиды.

– Целый месяц плюю в потолок. А в последние дни – толпа, еле управляюсь. Что возьмешь с варваров?! Волосы стригут только перед новолунием! А до чего скаредны! Знают, что беру за стрижку асс. Никому не придет в голову дать сестерций. А вот когда я стриг Персея...

– Персея? – удивился Полибий. – Разве Персей в Риме?

– Я в Риме недавно. До этого я работал в Альбе Фуцинской.

Полибий отстранил руку с ножницами:

– Скажи, а не приходилось ли тебе встречаться с эллином по имени Телекл?

Цирюльник всплеснул руками.

– Как не приходилось? Я встречался с Телеклом много раз. Ведь в Альбе Фуцинской, кроме меня и воспитателя царских сыновей Эвагора, и поговорить не с кем было. Телекл мне всю свою жизнь рассказал. И о жене, и о сыне. Кажется, его Критолаем зовут. Очень он по нему убивался. И о друге своем Полибии – как его с ним ромеи в Остии разлучили.

– Он говорил обо мне! – вскрикнул Полибий.

– Тогда радуйся, Полибий, сын Ликорты, – торжественно произнес цирюльник. – Тебе письмо от друга. Я пытался тебя отыскать, но ты сам нашел меня. А ведь в Риме до сотни цирюльников, ты мог бы прийти к другому, наконец, мог обойтись услугами раба, как многие ромеи...

– Где же письмо? – перебил Полибий.

Цирюльник куда-то исчез и вскоре вернулся со сложенным листом папируса в руках. Полибий схватил его и направился к выходу.

– А борода-то недострижена!

– Мы еще увидимся! – крикнул Полибий, бросая цирюльнику крупную монету.

«Полибий, радуйся! Пишу наугад, надеясь, что ловкий цирюльник тебя отыщет, и тогда мы будем с тобою говорить, хотя бы на расстоянии.

Альба Фуцинская оказалась горным гнездом, если не сказать – тюрьмой. Здесь был заточен нумидийский царь Сифакс после того, как его провели по Риму в цепях. Такая же судьба постигла и Персея. Но он, счастливец, оказался здесь вместе с сыновьями и может видеть их два раза в месяц. А мой Критолай далеко...

Меня поселили в доме гончара. Мы обмениваемся с ним только улыбками, ибо он не знает ни одного эллинского слова, так же как я не знаю ни одного

слова его варварского наречия: он не римлянин, а экв – население города наполовину состоит из эквов.

Единственный человек, с кем здесь можно говорить, это Эвагор. Он не стар, но совершенно седой – поседел за те несколько часов, когда его вместе с Персеем и царевичами вели по Риму. До последнего мгновения они не знали, что их пощадят. Эвагор сопровождает пленников по своей доброй воле. Он был царским библиотекарем, а стал воспитателем несчастных мальчиков.

В прошлом году получил весточку от Демарата – он был другом моего покойного отца. Демарат выбрал город со звучным названием Теламон, лежащий среди болот и населенный тирренами. Там ему не с кем даже словом обмолвиться.

Если ты все еще в Риме, узнай, как идут наши дела. Может быть, ахейцы, наконец, прислали посольство, чтобы нас выручить. Ведь уже третий год ромеи держат нас здесь. Если мы провинились перед ними, пусть нас судят.

Твой Телекл».

«Телекл, радуйся!

Не было дня, чтобы я не думал о тебе. И хотя “наша Альба” оказалась ближе к Риму, чем многие из тех городов, которыми мы с тобой пренебрегли, найти к ней путь было выше моих сил.

Ты пишешь о библиотекаре, пестующем царских сыновей. А мне приходится заниматься царскими книгами, которых он лишен. Одним словом, я библиотекарь! Наверное тот, кто доверил мне книги, не догадывался, что я лучше разбираюсь в лошадях – быть бы мне тогда конюхом! Раньше мне не хватало досуга для книг, теперь у меня его нет из-за них. Свитки приходится не только разбирать, но и склеивать, ибо им в мешках-темницах было хуже, чем нам на палубе. Да и люди выносливее, чем папирус и даже пергамент.

Рим больше моего Мегалополя раза в три, а грязнее – вшестеро. Много открытых сточных каналов и свалок, над которыми висят тучи воронья. Зловонных испарений, разносимых по городу ветром, ромеи не боятся, но перед воронами испытывают панический страх. Однажды мне пришлось видеть, как почтенный сенатор, задрав голову, следил за полетом вороны, я же, остановившись, наблюдал за выражением его лица. Надежда сменилась беспокойностью, затем перешла в ужас. Он всплеснул руками и засеменил в обратном направлении. Какая-то ворона нарушила планы этого государственного мужа и отвлекла его от важных дел. Представь себе, сам победитель Персея и разоритель Эпира Эмилий Павел (я живу в его доме, который он покинул из суеверия) свыше тридцати лет состоит в коллегии жрецов-гадателей, исследующих с присущей ромеям серьезностью полет ворон и иных птиц.

Улицы здесь кривые. Дома невзрачные, многие крыты дранкой пополам с соломой. Чуть ли не каждый день то в одном, то в другом конце города вспыхивает пожар. Однажды мне пришлось наблюдать за тушением. Мгновенно сбегались соседи, кто с крюком, кто с серпом на шесте, кто с полотнищем, смоченным в уксусе. Выстроилась цепочка с ведрами. Подъехала повозка с заряженной катапульты. Я и опомниться не успел,

как дом был разбит, головы залиты водой. Люди, действующие так слаженно на пожаре, не имеют себе равных в бою.

В центре города Форум. Здесь в первой половине дня торгуют, во второй – судятся и выбирают правителей. В одной части Форума обосновались менялы. На их столиках мои драхмы превращаются в денарии, сестерции, ассы. Сегодня, не веря своим глазам, я видел, как один ромей брал у другого в долг значительную сумму без расписки. У нас же, как тебе известно, и с расписками ухитряются не платить.

В мое первое римское утро, выйдя из дому вместе с приставленным ко мне рабом-эпирцем, я увидел странную процессию. Впереди шагал человек в тоге и красных сапожках – по ним всегда можно отличить ромея, занимающего выборную должность. За ним шли три воина и два раба, один с широким ножом, другой с ведром и кистью. Процессия двигалась медленно, ибо магистрат, – так здесь называют должностных лиц, – не просто прогуливался, а читал надписи на стенах. В отвратительной привычке мараить стены ромеи не отличаются от нас.

Остановившись, магистрат ткнул пальцем в какую-то, видимо не понравившуюся ему, надпись и отошел в сторону. Рабы тотчас соскребли и замазали ее. Процессия двинулась дальше. Такие процессии в Риме нередки. А в ночное время высший магистрат-цензор проверяет, не горит ли у кого допоздна свет. Случись это у нас, мы бы послали рабов с палками как следует отделать соглядатаев. А здесь, услышав шаги, немедленно задувают светильник.

В государстве, где над всем стоит закон, люди обладают иными, чем у нас, характерами. Здесь наивысшим достоинством человека считается “гравитас”, а наибольшим недостатком – “левитас”. Я привожу латинские слова, так как не могу подыскать им соответствий. Гравитас, дословно, “тяжесть”, но ромеи вкладывают в него широкий смысл. Это основательность, важность, правдивость, постоянство, устойчивость, суровость. Противоположное ему “левитас” не просто “легкость”, но опрометчивость, непостоянство, беспечность, живость, легкомыслие. Подчеркивая собственное достоинство, ромеи употребляют слово “гравитас”. Нас же, эллинов, они считают воплощением “левитас”. И на самом деле, ромей и эллин все равно, что камень и воздух.

Вот почему я не питаю надежд в отношении нашей судьбы. Лишая нас родины, ромеи действовали не сгоряча и не во гневе. Они заранее обсудили и взвесили свое решение и провели его через сенат. Своих законов ромеи не отменяют, ибо отменить закон значило бы уподобиться нам, эллинам, которые только и делают, что меняют законы.

Итак, не следует обманывать себя несбыточными надеждами. Надо собрать все силы, чтобы в нашем положении не наделать глупостей и пользоваться тем, что нам оставили. Любящий тебя Полибий».

Гнев Артемиды

Антиох остановился. Ноздри щекотал аромат благовоний. Так пахли все храмы, но здесь в воздухе ощущалась угроза и было темно, как в подземелье.

Приглядевшись, царь увидел статуи Артемиды и Аполлона в человеческий рост. Между ними – проход, куда устремились его воины. Там, впереди, несметные сокровища. Артемида и Аполлон – их стражи.

Отведя взгляд, Антиох попытался успокоиться. «Все идет, как задумано: ворота удалось открыть без шума, внутри никого не оказалось. Сокровища будут моими. Их хватит на постройку сотни боевых кораблей. И тогда ромеи...»

И снова тревога овладела Антиохом: «А что, если воины, пока я здесь стою, расхитят сокровища? Ведь золото ослепляет».

Антиох вздрогнул. Ему показалось, что Аполлон шевельнулся. «И привидится же такое! – успокаивал он себя. – Кто теперь верит басням жрецов одвигающихся и потеющих статуях богов? Если статуя шевелится, значит колеблется земля, на которой стоит храм. Если потеет, – жрецы придумали какое-нибудь устройство». Он поднял голову. Статуи были недвижимы.

Осмелев, царь сделал еще несколько шагов. Темнота сгустилась. Но жажда золота сильнее страха. Антиох шел вперед, стараясь не глядеть по сторонам.

Когда он был в проходе между статуями, Аполлон мягко спрыгнул с пьедестала, а Артемида подняла ступню и с размаху опустила ее на голову царя.

Огромный храм огласился душераздирающим воплем.

– А-а-а...

Антиох бежал, схватившись руками за голову и не переставая кричать:

– А-а-а...

Выбежав за порог храма, он упал. Там его и нашли жрецы. Они закрыли ворота и, не обращая внимания на крики тех, кто остался внутри, подняли неподвижное тело Антиоха и с песнопениями куда-то понесли.

Бессмертие масок

К вечеру грунтовая дорога сменилась мощеной, и мулы побежали веселей.

Слева потянуло дымком. Повернув голову, Андриск увидел в полусотне шагов от дороги шатер и вокруг него человеческие фигуры.

«Не разбойники ли?» – подумал он, ощупывая матерчатый пояс с зашитыми в нем денариями.

– Дружище! Давай к нашему огоньку! – послышалось издалека.

«На разбойников не похожи, – решил Андриск. – Зачем разбойникам шатер разбивать?»

Соскочив с повозки, он привязал мулов к дереву и подошел к костру.

– Садись! – сказал толстяк, указывая место рядом с собой.

Другой человек, худой, длинный, кивнул юноше головой. Третий спал, уронив голову на грудь и слегка посапывая.

– О занятии своем можешь не говорить! Нос мой пока еще не ошибался. Ты дубильщик. А как тебя зовут?

– Андриск я, сын Исомаха.

– А я Буккон! – представился толстяк. – Он – Макк. А тот, что дремлет, Доссен. По каким делам едешь? Откуда?

– Да шкуры меня послали скупать. Из Кум еду.

– Тогда ты из мастерской Филоника, – заключил Буккон. – Жадный человечиска. Он бы всех быков ободрал, чтобы мошну набить.

– Ты его знаешь? – удивился Андриск.

– Я всех знаю, – ответил Буккон, надувая щеки.

– Ты раб? – спросил Макк.

– Был рабом. Теперь отпущенник. Из Эпира я.

– Счастливцев! – проговорил Буккон. – Быстро тебе свободу дали. Странствуя по Италии, мы много эфирцев встречали. И все до одного рабы.

– Значит, мне повезло!

– Да! – согласился Буккон. – Везение – великое дело. Сам я к господину попал... Скажу тебе, живодер! Рабы у него ходили полосатыми, как тигры. И мне не меньше, чем другим, доставалось. Но боги не дали ему долгой жизни, молитв наших наслушавшись. А госпожа нас всех на волю отпустила, да будут к ней милостивы подземные владыки.

– Доссен, – он ткнул пальцем в спящего, – семь лет ляжку тянул. Из нашей братии один Папп свободнорожденный. Умер вчера наш Папп...

Он глубоко вздохнул.

– Странные у вас имена, – сказал Андриск. – Я еще таких не слыхивал.

– Сразу новичка видно! – заговорил Макк. – Эти имена вся Италия знает. Когда возвращешься в свои Кумы, скажи, что познакомился с Макком и Букконом...

– И с Доссеном! – вставил проснувшийся, смешно тряся головой. – Ибо Макк и Буккон обжоры и бродяги, а я человек мудрый и ученый.

– Какой ученый! – иронически протянул Буккон. – Ученый, тот книги читает. А ты и днем дрыхнешь, будто ночи мало.

– Да ведь я не зря сплю, как вы. Я сны вижу.

– Ну и что тебе привиделось? – спросил Буккон, подмигивая Макку.

– А то, что...

Обернувшись, Доссен притянул к себе мешок, вытащил из него матерчатую маску и показал ее Андриску со словами:

– Сначала умер он.

На Андриска смотрел старикан с длинным красным носом и широко открытым ртом.

– А потом ты и ты, – продолжал он, поочередно показав на Буккона и Макка пальцами.

– А ты остался жив? – протянул Макк.

– Как тебе сказать. И не жив, и не мертв. Между живыми и мертвыми где-то посередине.

Туда и сюда сную на лодке.

– Понял! – сказал Буккон. – Ты стал Хароном. Но маски Харона у нас нет.

– Как же нет?

Доссен полез в свой мешок, вытащил оттуда другую маску и, выставив ее перед собой, просунул в отверстие рта палец.

– Язык мы приклеим, уши удлиним, щеки подбелим.

– Пойдет! – согласился Макк. Доссен положил маску на землю.

– Я догадался, – сказал Андриск. – Вы актеры. А Буккон, Доссен и Макк – имена ваших масок.

– Молодец! – похвалил юношу Доссен. – Но остался наш Папп.

Он достал маску Паппа и, протянув ее перед собой, сказал:

– Умирают актеры, а маски живут.

– Да, Доссен, еще как живут! – прошамкал Андриск по-стариковски.

Доссен опустил маску.

– Я слышал голос Паппа! – воскликнул он.

– И впрямь похоже, – подхватил Буккон, – точно душа бродяги Паппа вселилась в Андриска. Но все же продолжай свой рассказ, Доссен.

– Так вот. Сели вы в лодку. Везу вас по Стиксу. Обычно мертвецы молчат, а на вас говорун нашел. Болтаете, словно и не умирали. Едва до другого берега догреб. Ну, пора вам выходить и расплачиваться. А ты, Папп, – обратился он к Андриску, – жадюга, асса не отдаешь, будто проглотил, болтаячи. Ты же, Буккон, и того хлеще отмочил: дал мне, Харону, фальшивую монету.

– А я что сделал? – поинтересовался Макк.

– А ты, – Доссен сделал паузу, – а ты, Макк, асс в кулак зажал и кричишь: «Не могу один в Аиде жить!» Плюнул я в Стикс и обратно вас повез, потому что таким прохвостам в Аиде делать нечего.

– Здорово ты придумал. Каждый самого себя играть будет! – сказал Макк.

– Это не он, а я придумал! – воскликнул Буккон. – Вижу, человек едет, и говорю: «Смотри, Макк, это наш Папп с того света возвращается». А Макк еще обругал меня: «Вечно ты, мол, со своими глупостями».

– Все так и было, – подтвердил Доссен. – И когда Буккон произнес «с того света», меня осенило. Я притворился спящим, чтобы думать не мешали.

– Страшно актером быть, – проговорил Андриск неуверенно. – Все на тебя смотрят.

– А ты не бойся! – успокоил Макк. – Для людей играем, не для богов. И маски наши через смех говорят правду. Сцена становится трибуной.

– И трибуналом, – добавил Буккон.

– А насчет шкур не беспокойся, – вставил Доссен, – как в селение приедем, сразу объявим: «Желаете представления – пять шкур задаток!»

Все расхохотались.

Отвернувшись, Доссен полез в мешок и вытащил оттуда закупоренную флягу.

Буккон раздал всем по фиалу.

– Так за что мы пьем? – спросил Доссен. – За возвращение Паппа?

– За бессмертие масок! – выкрикнул Макк, поднимая свой фиал.

Первый читатель

Весь месяц был отдан работе. Свитки, разложенные на полу и тщательно классифицированные Полибием, понемногу заполняли стеллажи, сооруженные в доме по приказу Эмилия Павла.

Увлеченный трудом, Полибий не замечал, как текло время. Он совсем никуда не выходил. Завтрак и обед прямо в библиотеку приносил ему Исомах.

Однажды, когда он, сидя на полу, склеивал поврежденные свитки, без стука отворилась дверь. На пороге стоял юноша в тоге, румяный, светловолосый. Бронзовая бритва еще не касалась его щек, но в облике юного римлянина не было бойкости, свойственной этому возрасту.

– Я не вовремя? – спросил он, пятясь. – Было так тихо, что мне показалось, здесь никого нет.

Судя по акценту, юношу эллинскому языку обучал какой-нибудь афинянин.

– Отец разрешил мне пользоваться этими книгами, – продолжал римлянин. – Собственно говоря, он привез их для нас с братом, которого взяли маны.

– Ты Публий? – спросил Полибий, вспомнив рассказ Исомаха о старшем сыне Эмилия Павла.

– Публий Корнелий Сципион Эмилиан, – подтвердил юноша. – Называй меня первым именем. Чужеземцам трудно привыкнуть к нашим длинным именам. Как я тебе завидую, – добавил он после паузы. – Ты можешь прикасаться к творениям мудрецов и поэтов.

– Давай познакомимся, – Полибий протянул ему руку. – Полибий, сын Ликорты.

У Публия была широкая ладонь с короткими пальцами. В его рукопожатии ощущалась сила.

Они сели за стол друг против друга. Юноша с интересом смотрел на Полибия, не решаясь начать разговор первым.

– Хочешь посмотреть библиотеку? – спросил Полибий.

– Я бы хотел почитать... Что-нибудь по истории.

Полибий подошел к полке и вынул футляр.

– «История Пелопоннесской войны» Фукидида. Великая книга!

– Я уже читал ее, – отозвался юноша.

– Тогда возьми «Анабазис» Ксенофонта.

– С этой книги я по совету учителя начал изучать эллинский язык. Мне хотелось бы что-нибудь по истории Рима. Ведь писали же что-нибудь эллины о нас?

– Писали и немало! В этом я убедился, разбирая книги. Стихами и прозой! Но как? Я внимательно, прочитал историю Тимея из Тавромения. Она написана в Афинах, где он как изгнанник провел большую часть жизни. В Риме Тимей никогда не бывал и о твоём народе сообщает лишь басни, которые он нашел у других верхоглядов. Есть, правда, история Фабия Пиктора, римлянина, писавшего по-эллиниски.

– Я начал ее читать, но она мне показалась очень слабой.

– Я с тобою согласен, – кивнул Полибий. – Твой соотечественник так чернит Ганнибала, что диву даешься, как тот мог одержать столько побед. Но что тебе больше всего по душе?

– Еще я люблю охоту. Отец после окончания войны разрешил мне побывать в лесах под Олимпом. Кажется, Персей совсем не интересовался охотой. Звери попадались на каждом шагу. Я убил двух бурых медведей и огромную медведицу с желтовато-белой шкурой.

– Сирийский медведь в Македонии? – удивился Полибий.

– Македонянин, который меня сопровождал, уверял, что такие медведи водятся и во Фракии. Видимо, моя медведица спасалась в Македонии от фракийских охотников.

– И попала под римский меч... Так бывает и с людьми. Ждешь беды с одной стороны, а она настигает с другой.

– Я убил ее копьем, – пояснил юноша. – Это был очень сильный и свирепый зверь.

Полибий подошел к полке и достал футляр. Раскрыв его, он извлек свиток.

– Надеюсь, ты этого не читал. «Охота с собаками» Ксенофонта.

– Я даже не слышал об этом сочинении. Мне казалось, что Ксенофонт – только историк и философ.

– Стихия Ксенофонта – не история и философия, а охота и война. И трудно сказать, в чем он был более опытен. Читая Ксенофонта, ты словно вместе с ним травишь зайца, поднимаешь кабана, подкрадываешься ко льву...

– А в его время в Греции можно было охотиться на львов? – спросил Публий.

Полибий улыбнулся.

– Конечно, нет! Последнего льва в Элладе видели за сто лет до Ксенофонта. Царя зверей привлек запах верблюдов, приведенных персидским царем Дарием. Любопытство стоило льву жизни. Но Ксенофонт описывает не только свою охоту в Элладе. Он побывал в Азии и там видел львов и охоту на них. Возьми для начала эту книгу. Другие я подберу позже.

– К тебе можно приходить?! – обрадовался юноша.

– Разумеется! Тебе конечно же известно, что здесь я одинок, а твое общество мне приятно. Буду рад побеседовать.

Школа на колесах

Мощеная дорога уходила к невысоким пологим холмам и терялась среди них.

Скрипели колеса. Мулы помахивали хвостами, отгоняя слепней. Андриск шагал рядом с Макком и внимательно слушал.

– Я попал в труппу, едва ли не в твоём возрасте. А Папп – его настоящее имя Тит Ампейлий – был моих нынешних лет. Всем, что имею, я обязан ему. Какой же это был актер! Ничто не проходило мимо его взгляда. Помню, как-то вечером мы приехали в один городок. Распрягли мулов и отправились в харчевню. Малый принес нам поесть и выпить. Проголодавшись, я набросился на еду и ничего не видел за краями тарелки. Папп же медленно тянул вино, поглядывая на хозяина харчевни. Моя тарелка была уже пуста, а он за свою и не принимался. В глазах его мелькали озорные огоньки.

– Ты что-нибудь вспомнил, Тит? – спросил я.

– Нет, – отозвался он, не спуская глаз с хозяина. – Кажется, так будет лучше.

– Представление давали на следующий день. Пьесу «Папп-либертин» мы играли до этого много раз, и Папп не изменил в своей роли ни одного слова. Но у него появились какие-то новые повадки. Он иначе двигался на помосте, по-другому качал головой. Когда по ходу действия ему давали асс, он как-то по-особому пробовал его на зуб. Я бы счел эти изменения случайными, если б не публика. Она ревела от восторга. Я терялся в догадках, но не мог понять, что вызывает у зрителей такой смех. Это делало мою игру скованной. Заметив мое замешательство, Папп шепнул: «Хозяин вчерашней харчевни».

– За болтовней мы и Рим пропустим! – послышался ворчливый голос Буккона.

Андриск поднял голову. Да, это Рим. Но он его не узнавал. Тогда он был слишком потрясен, чтобы всматриваться в город, оскорбивший и униживший его.

Теперь он жаждал встречи с Римом, как мечтает о схватке с ненавистным противником.

Андриск хлестнул мулов, и фургон рванулся вперед.

– Держи правей! – крикнул Макк.

– Свернуть с дороги? – удивился Андриск, останавливая мулов. – Но ведь Рим впереди.

Макк догнал повозку и, положив руку на плечо юноши, сказал:

– Дорога для тех, кого ждет Рим, а нас ждет вот тот пустырь.

– Ты хочешь сказать, что мы будем играть на пустыре, – Андриск остановил мулов. – Не для них ли? – вскинув голову, он указал подбородком на стаю ворон, с карканьем пролетавшую над дорогой.

– Нет! – ответил актер с улыбкой. – Стоит нам сколотить помост, как тотчас появятся зрители.

– А почему бы нам не сделать этого в Риме? – не унимался Андриск.

– Да потому, – ответил Макк, почесывая затылок, – что нам, актерам, в Рим нет дороги. Мы, как Ганнибал, разобьем лагерь у ворот.

– Театр у ворот! Театр у ворот! – со смехом подхватил Буккон. – Вот и тема для нашей новой, ателланы²⁷. – Но постой, – проговорил он озабоченно. – Взгляни налево. Нас кто-то опередил.

– Ты прав. Там идет представление. Но Рим велик, и зрителей хватит на всех. Эй, Доссен! Вставай!

– О, боги! – проворчал Доссен. – Ты всегда прерываешь мой сон на самом интересном месте. Еще немного, и у нас была бы новая ателлана.

– Сыграем старую, – засмеялся Макк. – Папаша Харон нас еще не подводил.

---

²⁷ Ателлана – древнеримское народное представление, часто имевшее политический характер.

Он взял мула за уздцы и потащил его к мостику, переброшенному через канаву. Колеса задребезжали по бревнам.

Макк оказался прав. Едва они вбили колья и положили доски, неведомо откуда появилось несколько зрителей. Когда же актеры вошли в фургон, чтобы надеть маски, перед помостом уже сидело человек тридцать. Во время обращения к публике, которое всегда произносил Макк, зрители все подходили и подходили, и вскоре весь пустырь заполнила толпа.

Ободренные вниманием, актеры играли с необыкновенным подъемом. Они по ходу придумывали новые реплики, рассчитанные специально на римлян. Андриск старался изображать не просто старика, но важного римского сенатора, – он их не раз видел в Капуе. Доссен из деревенского шарлатана превратился в заезжего вавилонского гадателя, которых в те годы можно было встретить на Форуме. В Букконе зрители немедленно узнали ненавистного ростовщика.

Особенно удалась сцена расплаты с Хароном. Видимо, многие зрители не раз оказывались одураченными. Теперь они вскакивали со своих мест, что-то возбужденно выкрикивали, словно сами были участниками представления.

Заключительная фраза: «Коль вам игра понравилась, рукоплещите И все с весельем проводите нас», – была встречена громом аплодисментов. Зрители, римские плебеи – кузнецы, ткачи, валяльщики, каменщики – не жалели своих ладоней, привыкших к тяжелому труду. Медный котелок доверху заполнялся сестерциями и ассами.

Пустырь почти обезлюдел, когда один из зрителей, сидевший в задних рядах, направился к фургону. Это был невысокий юноша, смуглый, черноволосый, но с голубыми глазами. Изящество облика выдавало в нем чужестранца.

Макк, увидев юношу, бросился ему навстречу.

– Теренций? Как ты здесь оказался? Наконец-то среди зрителей подлинный ценитель искусства!

– Я был на представлении своей «Девушки из Андроса», когда толпа, узнав о прибытии ателланов, мигом перекочевала на ваш пустырь. Я последовал за зрителями и не прогадал.

Макк схватился за голову.

– Боги мои! Мы сорвали твое представление. Давай хоть поделимся сбором.

– Спасибо, Макк. Но я сейчас не нуждаюсь в деньгах. У меня появились знатные покровители. К тому же, глядя на вашего Харона, я понял, чего не хватает моей «Андреанке». А почему я не вижу Паппа?

– Наш Папп ушел в Аид! – проговорил Буккон. – Но его маску унаследовал Андриск, так что потерю ощущаем лишь мы, но не публика.

Андриск поклонился Теренцию.

– Ты хорошо сыграл свою роль, – похвалил Теренций. – Сразу видно, у тебя прекрасные учителя.

– Да! – согласился Андриск. – Мне повезло на них. Но для этого надо было оказаться на чужбине, испытать рабскую долю.

– Ты, наверное, эпирец? – спросил Теренций.

Андриск кивнул.

– А я карфагенянин. Наш корабль налетел на скалу, и все погибли. Меня же на берег вытащил дельфин. Отныне я перед дельфинами в долгу.

– А вот Зенон спасся сам, – вставил Андриск. – Он доплыл до берега Аттики и стал философом.

– Ты читал Зенона? – обрадовался Теренций.

– Нет! Но его чтит мой учитель куманец Блоссий, ученейший муж. Блоссий меня убедил, что все мудрецы, вместе взятые, Зенону в подметки не годятся.

Теренций улыбнулся.

– Сказано слишком резко, но я с тобою согласен. В наше время можно рассчитывать только на Тихе, или, как ее называют ромеи, Фортуну. Я ввожу Тихе Зенона в свои комедии как счастливую развязку. Казалось, это должно ей льстить, и она могла бы настроить в мою пользу публику. Но этого не случается. Каждый раз, когда во время моих спектаклей появляются жонглеры или ателланы, римляне бегут от моих пьес, как когда-то от Ганнибала при Каннах.

– Это так! – проговорил Макк. – Но твоя сцена возвышается над жизнью, наши же – вровень с ней. Твои пьесы останутся в веках, а наши уйдут вместе с нами. Если плебей или вчерашний раб тебя не оценил, то их внуки запомнят и станут повторять реплики твоих комедий, как мы ныне повторяем изречения Эпикура и Зенона.

– Спасибо, Макк. Ты даришь мне надежду.

В Великом цирке

Публий вбежал в таблин²⁸. Полибий заметил: с подбородка юноши исчез пушок.

– Ты побрился! – воскликнул он. – Когда у нас в Ахайе говорят о юнце, добавляют: «Еще бритва не касалась его щек».

– А у нас о побрившемся говорят «обновился». Бритву мы называем «новакулой».

– А нет ли в Риме иных новостей?

– Есть: претор Сульпиций Гал прогнал из дома жену, застав ее стоящей на пороге с непокрытой головой.

– Этот Сульпиций Гал – астроном?

– Да. В астрономии из римлян он первый. А развелся вторым после Спурия Корвина. Но у того была веская причина: брак оказался бездетным.

– Поразительно! А есть ли другие новости?

– Вторая новость в другом роде. Сегодня в цирке представление.

– В цирке? – поморщился Полибий.

– Да! Будут выступать эллинские артисты.

Лицо Полибия просветлело.

– Это другое дело. Слово «цирк» вызывает у меня отвращение. А как эллинские актеры оказались в Риме?

– Их пригласил претор Аниций по случаю победы над иллирийцами.

Полибий накинул хитон. И вот они уже на улице, спускающейся под гору, прямо к цирку.

– Не знаешь, каких актеров привел Аниций? – спросил Полибий, когда уже показалась стена, ограждавшая цирк.

– Беотийца Феодора и этолийца Гермиппа с хором и флейтистами. Они будут исполнять гимны в честь Аниция.

– О боги! Неужели я вновь услышу божественный хор Феодора?! В последний раз он выступал в Олимпии. А Гермипп со своими флейтистами приезжал к нам в Мегалополь за месяц до того, как мне пришлось покинуть родину.

В этот момент их взору открылась огромная лощина, словно самой природой созданная для зрелищ. Склоны Палатина и Авентина вместили зрителей, а пространство между холмами было отведено для состязаний – бега коней и гладиаторских боев. Но сейчас на краю арены возвышался помост, на котором уже стояли артисты.

– Спустимся ниже! – предложил юноша Полибию, с интересом оглядывавшему цирк.

Они спустились на несколько рядов и заняли край длинной деревянной скамьи у прохода. Зрителей собралось не более десяти тысяч, хотя цирк, судя по размерам, мог вместить тысяч пятьдесят.

Слева из деревянного помещения, примыкавшего к арене, показалась процессия. В центре – триумфатор, вокруг него – почетная ликторская стража, в нескольких шагах сзади – сенаторы. Их тоги, освещенные солнцем, сливались в сверкающее белое пятно, отороченное пурпурным подбоем.

– Триумфатору слава! Да здравствует Аниций! – послышались одиночные выкрики.

Два нижних ряда, предназначенные для почетных гостей, медленно заполнялись. Полибий заметил, как сидевший неподалеку юноша вытащил из мешочка горсть тыквенных семечек и протянул своему соседу со словами:

– И чего они тянут. Уже брюхо подвело.

– Наш Аниций торопиться не любит, – отозвался тот.

---

²⁸ Таблин – личный кабинет (покои) хозяина дома.

– Смотри! Смотри! Платок выкинул!

Зазвучали флейты, сначала тихо, потом все громче и громче.

Полибий закрыл глаза. На мгновение ему показалось, что он не здесь, в этом варварском городе, а в Олимпии, на великолепном торжестве, венчающем победу духа и гармонии над хаосом. Вслед за флейтами в мелодию влились голоса, чистые и звонкие, как бегущие по камням ручьи. «Всепобеждающая гармония! – думал Полибий. – Кифара Орфея заставляла лавры склонять ветви и сплетаться в венки. Ее звучание срывало с гор камни, передавая им свою легкость и ритм. Пока Орфей играл, за ним, как очарованные, шли звери. Может быть, эллинские напевы смягчат черствые души ромеев и сотворят... Но что это?»

Полибий открыл глаза. Зрители вокруг него топали, шикали, свистели. Вдруг со своего места поднялся триумфатор. «Сейчас остановит буянов», – подумал Полибий. И впрямь Аниций что-то сказал сидевшему сзади ликтору, тот быстро встал и направился к помосту. «Сейчас передаст извинение артистам, – подумал Полибий. – Объяснит им, что зрители не могут оценить их чудесного искусства».

Но ликтор произнес, чеканя слова:

– Триумфатор Луций Аниций велел передать, что вы поете и играете дурно, и повелел вам вступить друг с другом в состязание.

Артисты переглядывались, не понимая, чего от них хотят.

– Выходите друг против друга! – пояснил ликтор, становясь в позу кулачного бойца.

Артисты словно окаменели. Теперь они поняли...

Между тем ликтор нетерпеливо приблизился к Феодору. Полибий не расслышал, что он сказал, но тотчас же вперед вырвался один из хористов и, подбежав к флейтисту, стал вырывать у него инструмент. Тот не отдавал, отбиваясь ногами. И вот они вцепились друг другу в волосы. Завязалась общая схватка. Человек пять хористов, схватившись за руки, пошли стеной на флейтистов. Они разбежались, но один, загнанный на край помоста, полетел вверх тормашками. В это время несколько флейтистов поднесли к губам свои инструменты и под дикую их разноголосицу стали наступать на обратившихся в бегство хористов. И только тогда один хорист стал в позу кулачного бойца и нанес первому подвернувшемуся флейтисту удар в челюсть.

Зрители ликовали. Спектакль, начавшийся так скучно, превзошел все ожидания.

Публий схватил Полибия за руку.

– Идем отсюда! Идем быстрее!

Они почти бежали по ступеням. Наверху Полибий оглянулся. На помосте все смешалось. Несколько зрителей выскочили на арену и вступили в драку.

Выйдя из цирка, Полибий и Публий долго шли молча. Публий заговорил первым.

– Прости меня. Я не мог такого и предположить. В Риме впервые эллинские артисты. Я думал...

– У каждого свой вкус, – сказал Полибий сокрушенно. – Я люблю кулачный бой, а мой друг Телекл его не выносит. Конечно, это дикость – предложить артистам сойтись на кулачках. Но как назвать поведение моих соотечественников? Они могли бы сойти с подмостков и удалиться.

Публий помотал головой.

– Виноваты только зрители. В первый раз, когда я был в театре, ставили пьесу Теренция, сейчас уже не помню какую. Как и сегодня, толпе это показалось неинтересно. Откуда-то появились розги. С десятка зрителей выбежало на сцену. Они сорвали с актеров хитоны и стали их сечь: ведь у нас актеры – рабы. Я был тогда с моим другом Лелием. Мы сразу ушли. А все оставались на местах, криком подбадривая добровольных палачей.

Простившись с юношей, Полибий побрел домой. «Вот он, Рим, во всей своей красе, – думал он. – Варварский город. Но ведь и здесь есть мыслящие люди, любящие поэзию и науку.

Хорошо бы познакомиться с Сульпицием Галом. Человек, увлекающийся философией и астрономией, должен быть интересным собеседником».

«Полибий, радуйся, произошла беда. От какой-то непонятной болезни в один день и час скончались маленький Филипп и воспитатель царских детей Эвагор. Заботы о похоронах легли на меня. Персею разрешили проводить младшего сына. Но и тут его сопровождали двое стражей. Если бы ты видел лицо несчастного отца... Стражи не дали мне даже сказать ему несколько слов в утешение. Утром моя подушка была мокра от слез.

Александр теперь живет у меня. Братья были удивительно похожи и внешне, и по характеру. И так дружны! Несколько дней Александр не находил себе места. А потом немного успокоился. Он стал вырезать по дереву. Я ему рассказал о поразившей меня картине “Страдание Геракла”, которая украшает наш храм. Помнишь, тот, что у восточной гавани. И по рассказу он пытался воспроизвести изображение. Голова Геракла у него получилась прекрасно. Но работу он не завершил, увлеченный другим сюжетом. Несколько дней назад какой-то человек из Антиохии, пришедший повидать мальчиков и заставший в живых одного Александра, передал ему небольшую гемму удивительной работы. На ней изображена Лаодика, женщина редкой красоты. Мальчик не расстается с изображением матери, покрывает его поцелуями. Как это все вынести – смерть брата, разлуку с отцом и матерью, эту чуждую враждебную обстановку! Александр задумал картину “Персей и Андромеда”. Я молю богов, чтобы этот труд не разочаровал его.

Будь здоров. Телекл».

Грекостасис

С тех пор как Рим соприкоснулся с греческими полисами юга Италии и Сицилии, на этой площадке рядом с курией решения сената дожидались греческие послы, отсюда ее название «грекостасис», или «стояние греков». Если бы эти шумящие листьями вяза могли знать мысли тех, кто прижимался спинами к их стволам, они давно бы засохли, ибо трудно отыскать другое место, где было развеяно столько надежд и родилось столько молчаливого гнева. Вытоптанная площадка в тени деревьев уже не вмещала всех просителей: вслед за греками сюда нашли дорогу карфагеняне, египтяне, македоняне, сирийцы, евреи, каппо-докийцы, армяне, иллирийцы, фракийцы, сарматы, но она продолжала называться, как и три века назад, грекостасисом.

Вот и сегодня под вязами неторопливо или нервно прогуливалось несколько десятков послов в самых разнообразных одеяниях. Карфагенян можно было узнать по смуглым лицам и шитым золотом гиматиям. Наверное, они вновь явились с жалобами на набеги римского союзника нумидийского царя Масиниссы. Эти двое – светлолицые, в кожаных браках²⁹ и коротких хитонах, – иллирийцы, явившиеся на переговоры о выкупе взятых в плен сыновей царя Генфия. А эти четверо в широких хитонах, с гордо закинутыми головами, – после еврейских повстанцев, приглашенные в Рим.

Из курии вышли двое, судя по одежде, эллины. Первый, не дойдя до грекостасиса, обратился к своему спутнику, юноше лет двадцати:

– И как тебе показалось, Диэй?

– Прекрасно, Пифодор, – отозвался юноша. – Ты говорил веско и убедительно. В голосе консула, когда он представлял тебя курии, прозвучали сочувственные нотки. Мне кажется, можно рассчитывать на успех.

– Я тоже так думаю, – подхватил Пифодор. – Пираты, захватывая пленников, отпускают их за выкуп. Мы признали вину увезенных, – такого выкупа и ожидали ромеи...

Сквозь толпу послов пробирался человек, издала приветственно размахивая рукой.

– Да это же Полибий! – воскликнул Пифодор. – Диэй! Это наш Полибий!

Они по очереди обнялись.

– Вот так встреча! – выдохнул Пифодор. – Только сейчас в сенате я взывал, моля о милосердии к страдальцам, поселенным неведомо где. А ты разгуливаешь по Риму, пострижен, благоухаешь, как лавка парфюмера.

– Скорее, как цирюльня, – вставил Полибий. – Четыре раза в месяц я хожу туда за новостями, узнаю, что делается в Риме и в мире, и не просто из любознательности. Придя к цирюльнику впервые, я получил от него письмо Телекла, а сегодня от него же узнал о вашем посольстве.

– От цирюльника... – протянул Пифодор.

– Конечно, – улыбнулся Полибий, – от человека, который в таких случаях незаменим. У него даже не спрашивай, сам скажет.

И продолжил нарочито серьезно и возвышенно:

– Я бы поставил ему памятник. Право, он того заслужил. С белым лоскутом на плече. В правой руке ножницы. Рот полуоткрыт.

– А где мой земляк Телекл? – спросил Пифодор.

– Телекл далеко. Но мы переписываемся. А как его Критолай?

---

²⁹ Браки – брюки, шаровары, одежда персов, индийцев, скифов, сарматов, галлов, германцев и других чужеземных народов.

– Критолая я вижу каждый месяц, – быстро заговорил Пифодор. – Я же назначен его опекуном. Он здоров, и денежные его дела в полном порядке...

– Я встречаю его гораздо чаще, – вмешался Диэй, – в восточной гавани. Он там все время... Встречает корабли, идущие с запада. Все ждет отца...

– Бедный мальчик, – проговорил Полибий, – ведь, кроме отца, у него никого нет. Матери он и не помнит, она умерла, когда он был еще младенцем...

– Расскажи лучше о себе, – перебил Пифодор.

– О себе? Живу в доме Эмилия Павла, брошенном им после смерти двух сыновей. Разбираю свитки.

– Что я слышу! О боги! Ты, аристократ и лучший знаток конного дела, занимаешься какими-то книгами!

– Но это библиотека Персея! Разбирая книги, я прошел школу политики. Мне стало ясно многое, чего я не понимал раньше.

– И каковы, думаешь, будут результаты посольства? – спросил Диэй.

– Ромеи не согласятся отпустить нас на суд в Ахайю, как вы предлагаете.

– Но откуда тебе известно, что мы внесли такое предложение?

– От цирюльника.

– Но ведь это тайна! – воскликнул Диэй. Вытянув руку, он показал на глухую стену курии. – О том, что говорится там, цирюльники не болтают. Для того чтобы перехитрить Циклопа, надо иметь голову Одиссея. И кроме того, необходимо, чтобы у людоеда был единственный глаз – так легче его ослепить.

– То, что ты сказал о наших тайнах, Полибий, относится и к тебе! – заметил Пифодор. – Говорят, и у деревьев есть уши.

Полибий вскинул голову.

– Вот они! – бросил он. – Их называют листьями.

– Послы ахейцев! – послышался резкий голос. – Послы ахейцев!

Наскоро попрощавшись, послы поспешили в курию.

«Телекл, радуйся!

Сегодня я встретил ахейских послов и вместе с ними дождался решения сената. Циклоп не намерен нас отпускать. Наши мудрецы придумали вытребовать нас на суд в Ахайю, признав, что за нами есть какая-то вина. Твой земляк Пифодор, – кажется, это коринфский Крез³⁰, – передав послание синода, добавил к нему от себя, что если наши ахейский суд считают неправомочным в отношении преступлений, совершенных против Рима, пусть судят нас сами, но не держат без суда. И вот ответ, передаю его дословно: “Поскольку синод Ахайи признал вину за теми, кто по решению сената и римского народа переселен в Италию, а сенат не имеет возможности определить в точности вину каждого из них, будет справедливо оставить их там, где они находятся”. Видишь, к сожалению, в предвидении нашего будущего я оказался прав.

Теперь могу тебя обрадовать. Критолай здоров и питает надежды на наше скорое освобождение.

Твой Полибий».

---

³⁰ Крезом, по имени лидийского царя, называли баснословно богатого человека.

Главный помост

Андриск спускался к Бычьему рынку. Оказавшись в Риме, он постарался узнать что-либо об отце. Для этого надо было вернуться к своему позору.

Уже издали Андриск услышал не забытый им еще голос, грубый с металлическим оттенком, словно бы у крикуна была медная глотка:

– Рабыня Ниса, двадцати лет, фракиянка, умеет прясть и ткать, послушна, крепка телом, две тысячи сестерциев. Кто больше?

– Две тысячи пятьсот, – выкрикнул кто-то из окружавших помост.

– Две тысячи пятьсот, раз. Две тысячи пятьсот, два. Две тысячи пятьсот, три. Продано! Краснорожий, – он же продавал и Андриска, – сгреб деньги и подтолкнул Нису с помоста.

За этот год ничего не изменилось, если не считать того, что рабов как будто стало меньше, а цены на них взметнулись втрое.

Дождавшись, когда помост опустеет, Андриск подошел к краснорожему. К его удивлению, тот сказал:

– Э, внук Пирра! Как ты сюда попал?

– Я не из царского рода... – отозвался юноша.

– Знаю! Я тебя внуком Пирра назвал в шутку. Очень ты был жалкий.

– А я тогда не понял. Ведь языка вашего я тогда не знал. Скажи, ты так всех помнишь?

– На память не жалуюсь, – отвечал краснорожий. – У меня зять центурион. Вся грудь в фалерах. Идем по Риму – на него все оглядываются. А он мне удивляется! Иду и показываю: «Вот этого тощего я за двести сестерциев продал. Больше не дали. А вон того, лысого, за тысячу. Повара теперь в цене». Он мне все говорит: «Тебе бы, папаша, у меня служить. Я б тебя писарем назначил. Ты бы воинов моей манипулы по именам знал». А я отвечаю: «Да я бы и весь легион запомнил. Но там и без меня обойдутся, а здесь кто меня заменит?»

– Неужели ты и покупателей помнишь?

– Постоянных как не помнить. А тех, кто одного-двух купил, и запоминать нечего.

– А я свободу получил, – проговорил Андриск. – Вот бы теперь отца найти и выкупить. Ты сразу передо мной его продал. Еще в зубы ему покупатель заглядывал.

Андриск протянул горсть монет. Краснорожий сгреб их привычным движением и уверенно произнес:

– Тит купил. Обычно он молодняк покупает и, подучив, опять ко мне на помост. Цена уже тогда другая. А отца твоего он купил не себе, для Катона, патрона своего. Но в Риме его не ищи. Катон его за провинность отправил на мельницу. Тит еще попрекал меня – не тот, мол, товар продал.

Глядя на погрустневшего юношу, краснорожий добавил:

– Не вешай носа, Пирр! Если твой папаша освободится, не иначе ко мне явится, чтобы твой след отыскать. Так что на всякий случай, скажи, где тебя найти.

– Постоянно я обитаю в Кумах у либертина Филоника. Он держит скорняжную мастерскую, а сам живет в собственном доме у Нольских ворот. Но дом мне – вся Италия. Шкуры я скупаю.

Краснорожий потянул носом.

– Этого мог бы не говорить.

Бычий рынок Андриск покидал почти бегом. Но разве можно убежать от памяти! Она все возвращала и возвращала его к тому деревянному помосту. И сколько еще тысяч людей с выбеленными мелом ногами поставят на эти доски позора, на главный помост круга земель. В воображении он уже рисовался больше Бычьего рынка и больше всего Рима. Легионы ромеев

шагали на север, на запад, на восток и возвращались с живой добычей. «Неужели этому не будет конца! – с отчаянием думал Андриск. – Должен же кто-нибудь их остановить».

Встреча на Тибре

В то утро Полибий не мог работать. Из памяти не выходило письмо Телекла. «Боги мои! – думал он. – Пока я занимаюсь разбором книг, совершаются преступления. Странные болезни, от которых умирают цари и царевичи. Целый народ превращен в рабов. А наше изгнание! Безо всякой причины нас вывезли сюда и бросили на погибель».

Вот и Тибр, вздувшийся от осенних дождей, злобно катящий свои отвратительные желтые воды. Полибий различил ветки, камышинки, пучки соломы, бревно со следами копоты.

«Где-то смыло человеческое гнездо, – подумал Полибий. – Такой же поток сломал мою жизнь и понес ее неведомо куда».

Слева послышался всплеск упавшего камня, поднялся фонтан брызг. Полибий повернул голову и увидел незнакомца: смуглое лицо, обрамленное густыми волосами, яркие полные губы.

Полибий отыскал под ногами обломок кирпича, поднял его и, занеся руку за плечо, резким движением выкинул ее вперед. Кирпич с глухим стуком ударился о бревно.

Юноша направился к Полибию, знаками выражая одобрение.

– Что ты загадал? – спросил он по-эллински.

– У меня нет привычки загадывать, – отозвался Полибий.

Юноша развел руками.

– А я загадал, но не попал. Значит, не исполнится.

– Ты не умеешь кидать. Надо заносить руку дальше за спину, немного выгнуться. Не помешает в это время представить себе недруга, нанесшего тебе оскорбление или жестокую обиду.

Юноша поднял камень.

– Давай попробую еще, – процедил он сквозь зубы. – Я представил.

На этот раз его камень угодил в бочку, плывшую в локтях десяти от бревна.

– И это неплохо! – сказал Полибий.

– Неплохо? Но ведь я попал в бочку!

– У нас, ахейцев, есть присказка: «Сорванец, метивший в собаку, но попавший в мачеху, сказал: «И это неплохо!»

Юноша впервые за все время улыбнулся.

– Тогда будем считать, что я попал в Лисия.

Полибий с интересом взглянул на собеседника.

– Давай познакомимся, – сказал он, протягивая руку. – Полибий, сын Ликорты из Мегалополя.

– Деметрий, сын Селевка, из Антиохии, – сказал юноша, отвечая на рукопожатие.

Ладонь у него была мягкой, видимо ему никогда не приходилось заниматься атлетикой.

– Так ты царевич? – удивился Полибий. – Твой отец послал тебя заложником вместо своего брата Антиоха? Антиох стал царем, но что-то он не торопится возвращать тебе корону. Ведь ты уже вырос. Кажется, у него есть сын, которого он мог бы послать ромеям вместо тебя. Скажи, а кто этот Лисий, в которого ты попал.

– Коварный царедворец! Это он вверг нашу державу в пропасть. Это ему я обязан своими бедами.

– В твоих и моих бедах виноват твой дед Антиох.

– Это верно, – согласился юноша. – Зачем он ввязался в войну с ромеями?

– Нет! Вступая в войну, он должен был поручить ее Ганнибалу, жившему в антиохийском дворце. Но он не захотел уступать славу победы над ромеями чужеземцу. И вот мы с тобой оказались здесь, вопреки нашему желанию.

– Ты прекрасно соединил эти факты! – воскликнул Деметрий. – Кем ты был у себя на родине?

– Гиппархом, – ответил Полибий. – Но стал немного понимать происходящее лишь здесь, в Риме. Жизнь теперь мне кажется неким лабиринтом, из которого необходимо искать выход.

– Выход... – повторил юноша. – А есть ли выход у меня? Куда ни двинешься – глухая стена. Всюду – глухая стена.

– Выход конечно же есть. Но ищи его сам. Если хочешь, и я подумаю над твоей головоломкой.

– Конечно же хочу! – радостно закричал Деметрий. – Я уверен, твой совет будет так же меток, как твоя рука!

* * *

Полибий возвращался домой в приподнятом настроении. Его подавленность сменилась уже забытым ощущением радостного напряжения, требующим выхода в немедленные действия. Ускоряя шаг, он лихорадочно перебирал возможные варианты возвращения Деметрия на престол.

«Чего-нибудь да стоит расположение сирийского царевича, нет, – царя! Если только он им станет... Конечно, станет! Благодаря мне, бесправному изгнаннику! Вопреки всему!» – вертелось в голове.

«Размечтался! – одернул он себя и тут же сам себе возразил: – Ничего. Мы еще поборемся. Когда корабль идет ко дну, ухватишься и за щепку!»

В курии

Курия Гостилия, что на Форуме, медленно заполнялась. Сенаторы входили не спеша, здоровались и, подобрав белоснежные тоги, чинно рассаживались на мраморных скамьях по обе стороны прохода.

Консул Секст Элий Пет, созвавший сенат, уже был на председательском месте и внимательно наблюдал за тем, что происходило в правом углу зала. Жрец-гаруспик в остроконечном колпаке и его помощники склонились там над принесенной в жертву овцой. Из ее внутренностей жрец извлек печень и, поворачивая ее, тщательно вглядывался в очертания.

Если бы он по ошибке или злему умыслу пропустил какое-нибудь необычное утолщение или углубление, это не ускользнуло бы от ревностных глаз его коллег. Обменявшись с ними взглядом и приняв их молчание за согласие, гаруспик отложил печень, вытер руки протянутым ему полотенцем и, подняв над головой кулак, выкрикнул тонким голосом:

– Соизволено!

Консул встал, оглядывая курию ряд за рядом.

– Отцы-сенаторы! – голос консула звучал торжественно. – Я созвал вас в курию для решения вопроса исключительной важности: в Рим прибыло посольство с известием о смерти царя Сирии Антиоха Эпифана... Будет уместно до обсуждения вопроса о назначении нового сирийского царя заслушать послов.

После паузы, предназначенной для раздумья и выражения иного мнения, если бы таковое существовало, консул крикнул;

– Впусти!

Прошло несколько мгновений, и в проходе, разделяющем курию, появился плотный человек в темном неподпоясанном хитоне. На вид ему было лет шестьдесят. Проседе в бороде, но очень живые черные глаза. Вслед за ним шли послы помоложе, тоже в темном.

Тиберий Гракх толкнул своего соседа Сульпиция.

– Опять Лисий!

Лисий неторопливо поднялся на возвышение. Несколько мгновений посол стоял со скорбно склоненной головой, потом поднял ее, словно бы усилием воли, и одновременно вытянул вперед ладони.

– Комедиант! – процедил Сульпиций, поворачиваясь к Тиберию.

– Взываю к вам, милостивые владыки Рима, – начал Лисий, – от имени осиротевшей Сирии, от несчастного малолетнего Антиоха, от погруженных в глубокий траур царских родственников и друзей.

Лисий замолчал, словно душившие его слезы не давали ему говорить, вытер лоб тыльной стороной руки и вновь заговорил, понизив голос:

– Перед смертью... перед смертью наш Антиох оставил власть своему сыну Антиоху. Но мы, царские родственники и друзья, ставим волю сенатора превыше всего. Царем Сирии будет тот, кто угоден вам. Мы лишь возносим смиренную мольбу утвердить предсмертную волю Антиоха и обещаем сделать все, чтобы в царствование Антиоха, сына Антиоха, наша дружба с Римом стала еще крепче.

– Сенат рассмотрит вашу просьбу в надлежащем порядке, – объявил консул.

Подобострастно кланяясь, Лисий спустился с возвышения и направился к выходу с низко опущенной головой. Другие послы чинно следовали за ним.

Дождавшись, когда дверь за послами закрылась, консул вновь обратился к собранию:

– Чтобы мы могли решить вопрос с полным знанием дела и ответственностью, нам следует выслушать сирийца Деметрия, сына Селевка. Имеются ли у отцов-сенаторов возражения?

Отцы-сенаторы молчали.

– Тогда, – сказал консул после паузы, – послушаем Деметрия. Впусти его!

В зал вбежал Деметрий. Через несколько мгновений он уже был на возвышении рядом с консулом.

Копна черных волос, матовая бледность лица, мятущиеся, не находящие места руки.

– Я – Деметрий, – начал юноша взволнованно. – Я вырос здесь, в Риме, на ваших глазах. Вам известно, что мой отец, царь Сирии Селевк Филопатор, отдал меня в Рим, чтобы сенат и римский народ не усомнились в его верности. Успокаивая мое детское горе, он сказал мне напоследок: «Сын мой! Тебе не плакать надо, а радоваться. В Риме ты пройдешь школу справедливости. Тебя будут окружать честные люди, а не царедворцы, от которых можно ждать любого коварства». Поэтому он побеспокоился о завещании; ввиду моего малолетия он распорядился в случае своей кончины передать власть Антиоху, с тем чтобы после его смерти корону получил я.

Деметрий вытер вспотевший лоб.

– Царедворец Лисий, который стоит во главе посольства, уничтожил завещание и составил новое в пользу моего двоюродного брата Антиоха, скрепив его царской печатью, которой он распоряжался. Этот Лисий, втершись в доверие к моему любимому дяде, стал его главным советчиком и стратегом. Передавая власть Антиоху, сыну Антиоха, вы вручаете ее Лисию, человеку коварному и злонамеренному. Я живу в Риме много лет, и мне известно, что к вам обращаются как к «отцам-сенаторам». Разрешите назвать вас отцами, ибо в мире у меня нет никого, к кому я мог бы обратиться со словом «отец». Боги взяли к себе моего родителя Селевка. Злодейски убит мой дядя Антиох, которого, умирая, царь просил: «Будь Деметрию отцом! Отцы мои! Не дайте восторжествовать коварству и беззаконию!»

– Можешь идти, Деметрий! – произнес Элий мягко. – О решении сената тебе сообщат.

Юноша, всхлипывая, удалился.

– Приступаем к обсуждению, – возгласил консул. – Слово имеет цензорий³¹ Марк Порций Катон.

Все головы обратились к Катону. Он встал, но вместо того чтобы высказывать свой мнение, обратился к консулу с просьбой:

– Я прошу отсрочки, Элий! Я никогда не был в Сирии и хочу выступить после тех, кто ориентируется не по речам заинтересованных лиц.

– Разрешить! Пусть говорит потом! – послышались крики.

– Цензорий Марк Порций Катон, – произнес Элий торжественно. – Можешь выступить позднее. Слово имеет консуляр Семпроний Гракх.

С места поднялся сенатор невысокого роста, с прямой осанкой и выразительным лицом.

– Волчица вскормила основателей нашего города Ромула и Рема, – начал он проникновенно. – Можете себе представить, что было бы с этими младенцами, не отними их у зверя пастух Фаустул. Они ходили бы на четвереньках и выли бы, как их приемная мать и молочные братья. Деметрий усыновлен нашим городом, воспринял наши обычаи. Я с наслаждением слушал его латинскую речь. Я верю ему и призываю вас, отцы-сенаторы, вернуть Деметрию законную власть.

---

³¹ Цензорий – бывший цензор. В римском сенате ораторы выступали в определенном порядке. Первое слово представлялось цензорам и бывшим цензорам, затем консулам и бывшим консулам, преторам и бывшим преторам. Низшие должностные лица могли и не дожидаться своей очереди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.